

A man and a woman are sitting on a wooden porch of a log cabin. The woman is in the foreground, wearing a light-colored t-shirt and dark pants, looking towards the camera. The man is behind her, wearing a grey t-shirt and dark pants, looking off to the side. The cabin has a thatched roof and is surrounded by trees.

Вероника
МЕЛАН

УРОВЕНЬ
Магия

Город

Вероника Мелан

Уровень: Магия

«Вероника Мелан»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Мелан В.

Уровень: Магия / В. Мелан — «Вероника Мелан»,
2017 — (Город)

ISBN 978-5-17-101578-7

Расстроенная провалом на премии «Сценарист года», Марика Леви впадает в депрессию. Под влиянием момента и настроения она решается на необычный поступок: заполняет анкету участника на прохождение Уровня «Магия». Создатели этого странного места утверждают: загадай желание, ступи на Уровень, дойди до конца и получи желаемое. Но так ли это просто? Поставить подпись в договоре, выйти за дверь и сразу же оказаться в заснеженных горах без воды, еды и карты... Все хотят изменений, но не каждый готов бороться. Однако первый шаг сделан, и с этого момента Марика вынуждена двигаться только вперед.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-101578-7

© Мелан В., 2017
© Вероника Мелан, 2017

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	23
Глава 5	36
Глава 6	52
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Вероника Мелан

Уровень: Магия

Пролог

Зал был набит до отказа.

Он сиял дорогими пиджаками, шуршал вечерними платьями, блестел изысканными украшениями дам и потными лицами их кавалеров. Щелкали застежки сумочек и затворы фотокамер; сегодня здесь собрались высшие чины, элита главного городского телеканала «Норд-ТВ». Директора, продюсеры, режиссеры, ведущие.

Марика олицетворяла карандаш, убранный в пенал, – ее тело обтянуло безумно дорогое вечернее черное платье. Слева шумно дышал седовласый Арнольд Румфель, главный спонсор показа вечерних новостей, справа – Летиция Гамильтон, очкастая журналистка «Вечернего Нордейла». Через несколько минут Летиция до конца жизни возгордится, что имела честь находиться рядом с Марикой. С самой Марикой Леви, лучшим сценаристом года! Вот только пройдет номинация на лучшего ведущего телеканала, все узнают его имя, и тогда...

Сердце учащенно забилося.

Скоро. Совсем скоро...

Прилизанный Алан Паркер, красующийся в свете прожекторов и упивающийся вниманием сотен направленных на него взглядов, ловко вспарывал конверты, звучно объявлял имена, вручал почетные золотые статуэтки, умело шутил, когда награждаемые от волнения сбивались при произнесении благодарственной речи, и звонко аплодировал со сцены вместе со всеми.

Франт. Пингвин, косящий под павлина. Дешевка.

Марика нервно поправила завитые локоны и замерла, когда мужчина на сцене взял со стола следующий конверт. Успела подумать, не смазалась ли помада и как бы не запнуться на ступенях на глазах у сотен зрителей – такой казус газеты будут смаковать неделями, – и шумно, почти судорожно выдохнула, стоило ножу вспороть бок заветного конверта.

– А сейчас, дамы и господа, мы узнаем, кто же стал лучшим сценаристом этого года. И это... – Повисшая пауза хлестанула по натянутым нервам. – ...Патриция Арвелли! Поприветствуем победительницу!

Взорвавшиеся хлопки оглушили Марику разорвавшейся над ухом гранатой – сознание контузило, куда-то пропал звук, время застыло, дыхание прервалось. Сбоку восторженно аплодировал Румфель, его руки медленно, словно продираясь сквозь невидимое желе, поднимались вверх-вниз, ладони беззвучно соприкасались, рот осклабился.

На сцену, улыбаясь так широко, что, казалось, холеная физиономия вот-вот треснет, поднималась блондинка в красном.

Патриция.

Не она, Марика, а другая женщина, взявшая титул сценариста года...

Дорогое черное платье моментально сделалось тесным, грудь сдавило, швы впились в ребра, ноги под юбкой вспотели. Противные, длинные, такие неустойчивые каблуки... Зачем? Столько денег потрачено на наряд... столько месяцев томительного ожидания, столько работы, бессонных ночей, выпитого кофе и столько моментально канувших в небытие амбиций...

Марика и сама не знала, как сумела усидеть на месте: не броситься, не побежать прочь, оттаптывая ноги и огрызаясь в ответ на брошенные шепотом проклятия, не опозориться перед десятками телекамер.

Не опозориться в самом конце, проиграв.

Сумела она и пойти на следующий за церемонией награждения банкет. Несмотря на трясущиеся руки и остекленевший взгляд, выдержала лживые сочувствующие улыбки коллег, не напилась, не высказала директору канала красноречиво просвечивающие через глаза «честные» мысли и, даже усаживаясь в такси, смогла держать голову высоко поднятой.

Задыхаться в рвущих горло спазмах, перепугав водителя, она начала только по дороге домой. Два раза ударилась лбом о боковое стекло, закрыла лицо руками и затихла.

* * *

За день до этого

Красивый. Утонченный. Образованный.

Одет с иголочки: у рубашки – цена пассажирского лайнера, у джемпера – истребителя, у часов – всего международного аэропорта, включая ремонтную технику, рабочий персонал и питейные заведения на его территории. Не говорит, а мягко стелет, завораживая глубоким баритоном. Неизменно вежлив, обходителен, галантен.

Идеал. И имя ему – Ричард Каллахан.

Гад. Накрахмаленный гад.

Не нужно долгих речей, завернутых оборотов, хождения вокруг да около. Ты просто предложи...

Марика любовалась сидящим напротив мужчиной и одновременно ненавидела его. Тянулась к нему каждой клеточкой, млела, таяла, слушая звук любимого голоса, и молча страдала.

Дорогой ресторан на крыше небоскреба, баснословные цены, стеклянный интерьер, приглушенная подсветка – а ей бы тихий вечер в его объятиях, шепот незатейливых слов на ушко и слившиеся в поцелуе губы.

Почему все должно быть так сложно?

В углу расположился небольшой джазовый оркестр; музыканты с упоением ласкали струны и клавиши, качали головой в такт извлекаемой мелодии и с наслаждением тонули в музыке, создавая уютную атмосферу.

Марика аккуратно зачерпывала ложкой мандариновое желе. Ела медленно, не торопясь, как он любил, – ведь женщина должна быть красивой во всем: в еде, разговоре, сексе...

К слову, они занимались этим самым сексом вот уже несколько месяцев: то в ее просторной квартире на восемнадцатом этаже, то в его пентхаусе. Ричард даже несколько раз оставался ночевать – хороший знак (и каждый раз она старалась удивить его утонченным завтраком), но дальше секса, походов по театрам, ресторанам и иногда джазовым выступлениям дело, к ее разочарованию, почему-то не шло.

Может, он ждет, пока она завоюет этот титул? Добьется новой должности, карьерного роста?

– ...Певцы этой оперы с аншлагом выступили в Клэндон-сити. Столица гремит. Мы обязательно должны посетить театр на этой неделе, ты так не думаешь?

Марика думала. Но не о театре. А о том, что им давно пора бы уже съехаться и жить вместе. Расширить и углубить планы, разнообразить их семейным бытом и совместным досугом. У нее денег достаточно, у него – куры не клюют, так почему бы не начать наслаждаться жизнью? Не отдельно, как было до того, а вместе.

Ну предложи ты уже... возьми меня за руку, притяни ладонь к губам и прошепчи заветные слова!

Вечер близился к концу. А затем сколь ожидаемо, столь же и стремительно закончился.

Съехаться Ричард так и не предложил.

Глава 1

Летняя ночь захлебывалась дождевыми слезами.

На мраморном полу появились лужи, от перил отскакивали брызги, попадали в стакан с джином, портили напиток, вкус которого стоящая на балконе женщина все равно не чувствовала. Локоны спутались и стали похожи на паклю, тушь нарисовала на щеках кривые чернильные дорожки, платье облепило тело, словно вторая кожа. Чужая, сырая, противная на ощупь кожа.

День не задался. А может, и вся жизнь.

Марика смотрела на клубящиеся над верхушками небоскребов черные тучи и упивалась звуком грозовых раскатов, будто то был не гром вовсе, а небесный глас, наконец-то объявивший приговор во всеуслышание.

Неудачница. Свергнутая с пьедестала, вершины которого так и не достигла.

Мокли высокие стеклянные здания, ливень тщательно отдраивал пыль с многочисленных окон; внизу по проспекту ползли машины. Отличный район, почти центр города, люксовые апартаменты, которыми приятно гордиться перед коллегами, престижная работа, на которую не попасть по знакомству – на телевидении пробить дорогу вперед можно только упорством и самым что ни на есть настоящим талантом.

За спиной – стоит только обернуться – дорогой дизайнерский интерьер: пять шикарно отделанных комнат. Гардероб ломится от вещей, полки шкафа просели от нагромождения туфель, столик у зеркала заставлен косметикой, в холодильнике только органическая супернатуральная еда.

Что еще нужно? Великолепная жизнь. Мужчина-спутник идеален, коллеги имениты, кабинет увешан рамками с почетными грамотами, квартира – оснащенный по последнему слову техники райский остров.

Но это все видимость.

Марика чувствовала, что слезы, как и ливень вокруг, видимо, припустили надолго; отхлебнула порядком разбавленного дождевыми каплями джина и застыла, глядя на ночной Нордейл.

Город-сказка, город-мечта... Город осуществления планов, идеальное место для целеустремленных людей, необъятные горизонты возможностей.

Вот только жизнь – как корка подгнившего арбуза: гладка на ощупь только снаружи, а вскрыешь тонкую стенку – там гниль. Мужчина-спутник – трус и пустозвон, не способный принимать сложные решения и пятящийся всякий раз, стоит на горизонте замаячить ответственности за собственные действия. Именитые коллеги оборачиваются стаей беспринципных волков, стоит линзам фото- и видеокамер отвернуться в сторону; награды в кабинете – сплошь формальность для тех, кто проработал в компании дольше трех лет, и ни одной той, что грела бы душу по-настоящему. А что до квартиры? Да, бесспорно хороша. Но даже небеса бы опостытели тому, кому не с кем их разделить. Великолепная деревянная кухня (где ты готовишь одна), отделанная золотом ванная (где ты нежишься в пене одна), роскошная драпированная в нежных зеленых и розовых тонах спальня (где ты спишь одна).

Иллюзиями приятно кормить соседей, но ими не насытишься сам.

Слезы разъедали не только веки, но и душу. Вместе с ними наружу выходили ненависть и неудовлетворенность. Слезы символизировали решимость и начало перемен.

Однажды все будет иначе, и она найдет способ к этому прийти. Однажды Ричард будет скулить с букетом цветов у дверей ее собственного пентхауса. Возможно, чтобы досадить ему, она купит его в том же доме, где живет он, – «вот, милый, полюбуйся!». Когда-нибудь репортеры будут обивать ее порог, а многомиллионные контракты – сыпаться один за другим; придут

и слава, и знаменитость, и большие деньги. Тогда будет тебе и лучший сценарист года, и заветная женщина-мечта, и лицо на обложках журналов, и большая ложка, чтобы хлебать нектар...

Да, все еще впереди, и все обязательно случится.

А такие дни, как этот, дни-говно, случаются у всех, даже у продавцов в магазине. А что уж тогда говорить о тех, кто карабкается на золотую вершину мира?

Нужно только найти способ повернуть удачу к себе лицом.

Как-нибудь у нее получится. Да, как-нибудь.

Марика пьяно пошатнулась на мокром полу. Кое-как сдержалась, чтобы не запустить пустым стаканом прямо с восемнадцатого этажа, обвела высокомерным взглядом квартал, сплошь состоящий из высотных зданий, фыркнула, развернулась и вошла в квартиру.

* * *

Кожаный диван и обитые позолотой панели, что раньше внушали благоговение, теперь вызывали лишь скрежет зубов. Это не директор вчера пережил неудачный день, и не он страдал наутро от головной боли. Не он после пыжился выдавить из себя хоть строчку сценария для нового сериала, что должен будет приковать внимание и покорить сердца миллионов телезрителей по всему Уровню, не ему пришлось кружить по дому и рвать на себе волосы, потому что капризная бабочка-вдохновение почему-то перестала садиться на плечо и шевелить волшебными крыльями.

Противная бабочка. Вредная, паскудная, бабочка-сволочь.

Марика все утро силилась поймать ее, мысленно используя всевозможные типы сачков: приманить, уговорить, пристрелить, в конце концов...

Без толку.

Нахальная бабочка, похоже, вовсе выпорхнула из квартиры, чтобы, возможно, никогда не вернуться. Черт бы подрал эту креативную работу. Черт бы подрал все то, на что требуется это пресловутое вдохновение. И почему она не стала бухгалтером?

Или билетершей в кинотеатре?

Вот бы презрительно скривились губы Ричарда при виде ее, сидящей за пыльным стеклом и выдающей сдачу поверх бумажных билетиков с линией контроля...

– Кто написал сценарии для трех самых удачных развлекательных телешоу? Кто перевел все валлийские субтитры для двух десятков фильмов? А текст для программы «Нити времени»? И после этого звание сценариста года получила Патриция?!

Марика чувствовала, что еще немного – и она вскипит, запузырится кислотной лужей прямо на кожаном диване.

Альберт Доусон – Железный Альберт – молчал и хмурился. Сведенные к переносице брови не сулили ни капли благосклонности.

– Вы тщеславны, мисс Леви.

«А что плохого в тщеславии?! – едва не заорала Марика. – Что? Ведь тщеславие – всего лишь грань амбициозности! Куда бы скатился мир, если бы не тщеславные, желающие добиться большего люди? Так и ползали бы все по дну, приторговывая кореньями, грязные и жалкие, неспособные расправить крылья! Таких большинство! Никчемных, запуганных, безвольных, примитивных! А вы ставите тщеславие в упрек?!»

Мысленная тирада прервалась, стоило взглянуть в холодные рыбы глаза Альберта.

– Марика, возьмите отпуск.

Она едва не поперхнулась. Выпучилась в ответ на директора не менее круглыми глазами-перископами.

– Какой отпуск, о чем вы говорите?

– Да, я настаиваю. На несколько недель. Отдохните, проветрите голову. Очевидно, что вы... – в паузе он попытался подыскать более тактичную замену слову «переутомились» (или «поиздержались»... или даже «сделались истеричкой»), – устали.

«Находитесь на грани нервного срыва, – вот что говорили его холодные глаза. – А нервные работники, как вы сами понимаете, нам не нужны. Пусть даже талантливые. Найдем замену».

Марика проглотила и обиду, и рвущиеся наружу комментарии. Несколько раз глубоко вдохнула и выдохнула в надежде, что это придаст лицу более здоровый оттенок, нежели вишневый, после чего поблагодарила Альберта за заботу и покинула кабинет.

* * *

«Представляешь? Целых две недели! Давай арендуем яхту, прокатимся по морю, половим рыбу, посмотрим на закаты и послушаем чаек. А, Ричард? Давай? Такой невероятный шанс, просто великолепный шанс сменить обстановку, атмосферу, побыть вдвоем».

Ричард отказался.

Отказался мягко и ласково. Нашел более чем логичные доводы, почему именно сейчас он не может оставить работу, пообещал, что, как только дел станет меньше, сам пригласит ее в подобное путешествие, так как идея-то ведь на самом деле замечательная.

Весь оставшийся вечер Марика то злилась от бессилия и непонятно откуда взявшегося ощущения предопределенности, то размазывала по лицу предательские слезы.

* * *

«Подать заявку».

Серая кнопка, обведенная темной рамкой толщиной в один пиксель, – курсор мыши нерешительно застыл поверх нее, затем отполз в сторону, в который раз прокрутил страницу вверх-вниз, позволяя глазам прочитать текст.

Нет, сайт как будто настоящий, не подделка и не развод на деньги – такие Марика чувала за версту. В браузерной строке – адрес Комиссии, в углу экрана – голографическая печать. Как они создали ее, плавающую в воздухе перед экраном? Нет, хакеров бы на такое не хватило.

Но разве у Комиссии есть сайт? Вот эта странная отдельная страничка, не ведущая никуда, с одной-единственной кнопкой? Как она вообще наткнулась на нее, ведь в поле для поиска ввела простую, казалось бы, фразу: «Как изменить жизнь к лучшему»? Сначала высказывали ссылки на психологическую помощь от именитых докторов, семинары по мотивации для бизнесменов, форумы, где отчаявшиеся люди задавали сложные вопросы и получали на них глупые бессмысленные ответы.

А потом это.

В сотый раз перечитав текст, Марика отошла от компьютера. В комнате царила прохлада – почти неслышно работал кондиционер. Сумерки за окном наваливались духотой; вчерашний дождь выпарился в густую невидимую подушку, повисшую над городом; из-за высокой влажности стало трудно дышать.

Через полчаса позвонила коллега с работы, ведущая утреннего кулинарного шоу, заинтересовалась, не нужна ли компания на вечер. Бутылочка вина, закуска из сыра, конфеты... Не иначе как хотела выпытать последние новости из первых рук. Думала, Марика клюнет на удочку лживого сочувствия и выплечется на плече у «подруги», проявит слабость, пожалуется на жизнь и расскажет о вынужденном отпуске, а может, и о грядущем увольнении. Ведь недаром Альберт сегодня пребывал в несвойственной ему мрачной решительности.

Марика не расклеилась и слабость не проявила. Вежливо сообщила, что дела в полном порядке и что ее наградили внеплановым оплаченным отпуском в любую точку мира. «Подруга» завистливо вздохнула и быстро попрощалась.

Пока готовился ужин – карп с лимонным соком и белым вином, – позвонил и Ричард. Заботливо поинтересовался, не требуется ли помощь (как же, истинно мужское призвание утешить женщину в момент ее слабости), получил отказ, удивился и дал отбой.

Марика лишь раздраженно хмыкнула, глядя на собственные распухшие веки, отражающиеся в отделанной сталью дверце микроволновой печи, после чего села за стол и без аппетита начала есть брошенную на тарелку все еще скворчащую рыбу.

Наваливалась безысходность.

Почему все вроде бы хорошо и одновременно так плохо? Чего не хватает?

С проспекта внизу сигналили машины. Марика налила себе вина, села на диван перед экраном телевизора, который почти никогда не включала, и вперила взгляд в изборожденное проводами небо. Бесконечность. Вот куда уходил ее взгляд. Сидя в собственной гостиной, она чувствовала себя застывшей в безвоздушном пространстве мухой, где каждое движение бессмысленно, каждый взмах крыльев есть не что иное, как бесполезная трата энергии, ценности давно потеряли цену, а на вопрос «зачем» лишь опустошенно машут рукой.

Жизнь выцветала на глазах. Чем больше есть, тем больше пустоты. Притягивая в мир все больше желаемого, лишь теснее оплетаешься паутиной, оплетаешься так тесно, что вскоре обнаруживаешь, что не способен двинуться. Люди, предметы, связи, отношения... Стремления, бесконечное желание добиться большего, ощущение собственной никчемности – одна большая невидимая, лишаящая существование смысла паутина.

Хотелось что-то изменить. Начать дышать и наслаждаться, не думать – просто жить.

Через час она, удивив саму себя, подошла к компьютеру и заполнила странную форму.

«Подтверждаете ли вы, что находитесь в здравом уме и трезвой памяти?»

(Как такое можно подтвердить, когда каждый сумасброден по-своему?)

Да.

«Поставьте галочку, если принимаете ответственность за собственные действия и возможные последствия, находясь на Уровне: Магия».

Клик. Галочка в квадратике нарисовалась.

«Комиссия дает гарантию, что после прохождения Уровня заявленное при входе будет вами получено, но не гарантирует сохранность вашего физического и умственного здоровья во время процесса прохождения».

Неприятно, но придется согласиться.

Заполненная форма по щелчку мыши улетела куда-то в бинарное измерение; на экране высветилось «О получении права на вход или о его отказе будет сообщено дополнительно».

Пальцы на пластиковом корпусе мыши дрожали.

Правда или же чья-то злая шутка?

Уровень: Магия.

О таком Марика никогда не слышала, но со странички становилось понятно одно: туда можно попробовать войти, загадать желание и постараться выйти. Если выйти удастся, то желание обязательно исполнится, а если возникнут трудности, всегда можно покинуть Уровень, использовав сигнал «экстренного оповещения об отказе». Уже что-то. По крайней мере, не застрянешь не пойми где на веки вечные.

Трепеща внутри от навалившегося чувства нереальности происходящего, Марика поставила пустой бокал в металлическую раковину и отправилась спать.

Все равно шутка. У Комиссии не бывает страниц, и никакого Уровня: Магия не существует.

Ночь она проспала спокойно.

Глава 2

Понимание того, что найденная вчера веб-страничка и заполненная форма оказались вовсе не шуткой, пришло вместе с письмом, когда в свете солнечных лучей, падающих на кухонный стол, за которым Марика разбирала утреннюю почту, блеснула голографическая печать.

Тонкий конверт, дорогая бумага, выбитый на обратной стороне штрих-код. Бутерброд с ломтиком тунца, что Марика успела откусить, тут же застрял в горле; тело на мгновение сделалось безвольным: куда она встряла? Зачем вчера жала на непонятные кнопки, проставляла согласие по всем пунктам и вписывала домашний адрес?

Но вместе со страхом в сердце закралось и радостное возбуждение, адреналин экстремальщика, получившего право на участие в сложном ралли по бездорожью. Рискованный поступок, но тем и завораживающий.

Стопка, состоящая из счетов за электричество, приглашений на участие в модных показах и рекламных буклетов, тут же отодвинулась в сторону. Залитая утренним светом хай-тек-овая металлическая кухня с белыми изогнутыми спинками стульев наполнилась иллюзорным барабанным боем: итак, дамы и господа, что же внутри – одобрение или отказ?

Пальцы с идеальными, покрытыми кричащим красным лаком ногтями нервно оторвали скрутившуюся в свиной хвостик полоску, бросили ее на стол и достали сложенный вдвое лист. Глаза жадно впились в отпечатанные строчки:

«Для Марики Леви.

Сообщаем, что Ваша заявка на прохождение Уровня: Магия одобрена, и уведомляем о том, что по адресу Биссонет-драйв, 8301 Вам надлежит прибыть в течение двенадцати часов после получения данного письма.

Для справок или отказа от участия используйте номер L14 – 893-342-1472».

Далее шла еще одна переливающаяся печать.

Марика судорожно выдохнула.

Заявка одобрена.

Собирается ли она отказаться? Нет! Несмотря на грохочущее сердце и полную непонятных тревожных предчувствий голову. Сейчас она позвонит по указанному номеру, узнает, как следует подготовиться, и тогда уже отправится на Биссонет.

Город за окном привычно тонул в лучах утреннего солнца; начинался еще один летний день.

Долетевший в приоткрытую балконную дверь ветерок качнул занавески. Марике отчего-то показалось, что парус ее невидимой лодки надулся, сделался круглым и упругим, а на мачте распустил крылья флаг – символ начавшихся изменений. Бригантина нетерпеливо качнулась на волнах, желая тронуться в путь.

Голографическая печать отбрасывала на фарфоровую кружку бриллиантовые блики.

* * *

По телефону ответили сдержанно и крайне уклончиво.

Возьмите с собой теплую одежду и обувь. Еду брать не нужно. Нет, на месте вас никто не встретит: прохождение проходит в пешем режиме. Что? Можно ли загадать не одно, а, например, два желанья? Можно. Но подробности на месте.

На вопрос, сколько займет путешествие, не ответили вовсе, лишь бросили короткое «у каждого по-своему».

Темно-вишневый седан плавно катился по дороге; из радиоприемника лилась песня о любви. Марика успевала и подпевать, и следить за движением, и раздумывать о том, какое из желаний выбрать. Внутри, символизируя счастье, колыхались на веревочках невидимые воздушные шары. Праздник. Это же настоящий праздник, подарок себе любимой! Чудесный момент жизни, ощущение сладкой ваты на языке, золотой горизонт нового будущего.

Но что же выбрать?

Прямоугольный экран навигатора показывал, что до следующего поворота осталось девятьсот метров. Через густые бархатисто-зеленые кроны деревьев пробивались лучи полуденного солнца; по салону плыл запах прогретого асфальта, шин и растущих на обочине цветов.

Марика пошевелила босыми ступнями – так приятно чувствовать жесткие педали не подошвами туфель, а кожей. Слияние с машиной в этот момент кажется полным; плюс ко всему – мелочь, а приятно – не потеют ноги. Легкие теннисные кроссовки лежали на коврик у пассажирского сиденья.

Может, попросить пентхаус, как у Ричарда? Лучше, чем у Ричарда? Или сразу десяток миллионов, чтобы купить любые апартаменты города? А может, отобрать уплывший к другой титул сценариста года?

Во рту сделалось гадко: то будет нечестно завоеванная награда, такая счастья не принесет. Мысли тут же перескочили со скользкой темы.

Интересно, а можно ли заказать абстрактную вещь, такую как «успех»? Или «счастье в личной жизни»? Или просто сказать: «Хочу стать знаменитой!», – и если да, то что случится тогда? Какие события нагрянут в жизнь? Или, например, востребовать неиссякаемого вдохновения длиною в жизнь? Не запарит ли оно, заставляя нестись к компьютеру по ночам и спешно заваривать бесконечно заканчивающийся кофе?

Марика упивалась размышлениями, ощущение счастья росло с каждой минутой. Жаркий день гудел пчелами, пестрел яркими клумбами, любовался короткими девчачьими юбками и журчал звонкими голосами фонтанных струй.

На что бы ни пал выбор, в одном она была уверена наверняка: ее желание БУДЕТ стоить того, чтобы хоть пройти самый крутой перевал, хоть переплыть реку из углей, хоть прошагать через непонятный уровень.

Навигатор оповестил о том, что приближается поворот.

На светофоре темно-вишневый седан ушел влево.

* * *

После просторной квартиры на восемнадцатом этаже это помещение казалось тесным, как собачья будка; не сразу поверилось, что одиноко стоящий в конце аллеи, заканчивающейся тупиком, приземистый домишко, скрытый буйно разросшимися кустами, и есть Биссонет, 8301.

В прихожей пахло пылью.

Солнечный свет забылся, стоило шагнуть в полутемный коридор, через три метра закончившийся такой же темной квадратной комнатушкой, в углу которой находился деревянный стол.

Когда глаза приспособились к полумраку, Марика разглядела сидящую за столом седовласую косматую женщину и едва не попятилась: старуха точно сошла со страниц библиотечной книжки о древних сказаниях, почивших в истории народов мира. Под кустистыми бровями глаза-буравчики – яркие и пронзительные, не по-старушечьи внимательные. В углу – деревянная лавка, под лавкой – разных размеров высокие сапоги, обтянутые мехом (все потертые и разношенные), на доске, служившей сидалищем, – приваленный к стене грязно-бежевый рюкзак, покрытый пятнами.

Марике показалось, что она попала в потусторонний мир: за стенами – сверкающие высокие небоскребы, новомодные супермаркеты, дорогие авто и занимающиеся бизнесом люди, а здесь – затхлость, пропахшие воском стены, тишина (если не считать свистящего дыхания из-за стола) и старинное барахло, в беспорядке развешанное по стенам и рассованное по углам.

Ей, одетой в легкую блузку от Наррано и белые хлопковые брюки, сделалось неудобно. Почти страшно.

– Это вы звонили с утра? – скрипучим голосом спросила бабка.

Марика кивнула. Все сильнее хотелось выскочить обратно за дверь. Как Комиссия могла быть связана с «этим»? Даже самый примитивный офис смотрелся бы куда приличнее, чем затесавшийся в тупике сруб с каргой внутри.

Карга тем временем смотрела на Марику с полнейшим равнодушием.

– Теплую одежду принесли?

К ногам упал с шорохом объемистый пакет.

– Да, тут зимняя обувь, штаны, кофты и шуба...

– Шуба?

Старуха цокнула языком и покачала головой: мол, и где вас берут, таких безмозглых?

– Но вы же говорили, взять что потеплее.

Скрипнул рассохшийся стул – «администраторша» вылезла из-за стола, приблизилась и крючковатым пальцем указала на мешок.

– Покажите.

Марика не стала выказывать удивления, просто вывалила вещи на пол – свернутая на дне шуба с легким шорохом приземлилась поверх кучи.

Бабка принялась деловито рыться в вещах, будто принимала подачку для беженцев.

– Так, шубу оставьте здесь, не пригодится, только испортите, обувь тоже не подойдет, кофту наденете на себя, штаны поверх колгот, белье переложите в рюкзак.

Куча превратилась в комковатый блин из разбросанной по полу одежды; Марике захотелось топнуть ногой: как можно так обращаться с чужими вещами, тем более дорогими? Да одни эти штаны стоят как весь этот затхлый домишко!

Спорить тем не менее она не решилась.

– Вещи отнесите обратно в машину. Вы же на машине? – Удовлетворившись кивком, бабка направилась обратно к столу. – Оставьте машину на парковке, вернетесь сюда и получите дальнейшие инструкции. Все понятно?

– Понятно.

Марика принялась собирать «отбракованное» обратно в пакет.

Десятью минутами позже вопросы возобновились.

– А что еще в рюкзаке?

– Инструменты, которые помогут в прохождении. Рыться в нем будете позже!

Бабка повысила голос, Марика застыла, так и не расстегнув верхний пластмассовый зажим. Под пристальным взглядом натянула лямки обратно на плечи и скуксилась, вдыхая запах толстовки, что ей выдали вместо отправившейся в багажник машины шубы. Толстовка оказалась широковатой в плечах и невыносимо теплой – вдоль позвоночника потекли струйки пота.

– Пять желаний. Вы сказали, что у вас пять желаний, поэтому вот, я выдаю вам пять семечек. («Вот жадина! – говорили глаза-буравчики. – Вот ты с собой еще намаешься!») Бережно храните их в отдельном кармашке. Придет время, и вы узнаете, куда и зачем их нужно помещать, а пока не потеряйте! Если потеряете – пеняйте только на себя, Уровень для вас ничего не исполнит. И помните: желания можно передавать другим. Если вы, конечно, встретите этих самых других...

Меховые сапоги, натянутые поверх двух пар носков, казались гирями; зимние ботиночки на каблуках старая ведьма забраковала.

Марика мысленно потрескивала от ярости: тащиться на Уровень в чужих шмотках, с рюкзаком, в котором не пойми что лежит, да еще и желания отдавать? Ну уж не бывать этому! Можете не беспокоиться, глаза выцарапает, но не отдаст.

– Про кнопку экстренной эвакуации помните? Желания четко сформулировали? Как пройдете (бабке, очевидно, хотелось сказать «если», но притянутая за поводок вежливость одержала верх), вернетесь в это же самое помещение и счастливо поедете домой. Все понятно?

Понятно было не все, но вопросы по поводу того, что именно ожидает на Уровне, администраторша пресекла на корню.

– Так, форму вы подписали, когда заполняли ее... семечки я вам дала... – узловатый палец почесал кончик длинного носа. – ...Рюкзак выдала, одежду и обувь тоже. Вот вроде бы и все. В путь.

Марика почувствовала, что вновь трусит, посмотрела на невысокую деревянную дверь и выросла в пол. Ладони сделались клейкими, сердце загрохотало с отчаянием.

Что там? Куда она ведет?

Пальцы сжали мешочек с семечками – решимости прибавилось. Вот оно, ради чего. Хорошие желания, чудесные, просто золотые. Она не отступится теперь, когда их осуществление так близко. Ни здесь, на пороге, ни за ним.

– Дадите какой-нибудь совет на дорогу?

Бабка поджала губы и покачала головой.

Ну и ладно. Сама.

Марика сделала шаг вперед и потянула за металлическое кольцо. Толстокорые деревянные ворота заскрипели, поддаваясь.

* * *

Когда очередная претендентка на завоевание мира исчезла за дверью, седовласая распорядительница по имени Изольда Штамм какое-то время покачивалась на стуле, смотрела прямо перед собой и крутила в пальцах изогнутую скрепку.

На стене привычно тикали высокие старинные часы, ходил из стороны в сторону тяжелый маятник. Через десять минут раздастся глубокий бархатный «бом», а за ним – еще один.

Изольда отвела взгляд от циферблата.

Молодые, красивые, небедные...

Куда идут? Зачем? Чего в жизни не хватает? Кто-то довольствуется малым, а кто-то не умеет быть благодарным ни за крышу над головой, ни за хлеб на столе, ни за сундук золота. Дай им большего, и все тут. Где зарыта разгадка: в генах, в среде обитания, в Пути, который каждый должен пройти?

Что толкнуло ее, эффектную молодую женщину, на прохождение испытаний? Ведь не уродлива и не больна. Разве что головой от вечного недовольства собой...

Вдоволь пофилософствовать не дал раздавшийся в конце коридора стук – пришел новый претендент. Старуха поправила волосы, отодвинула в сторону скрепку и два карандаша и приготовилась ждать.

Глава 3

Уровень: Магия.

Горы.

Куда ни глянь – горные вершины, покрытые снегом. Высокие пики, уходящие в небо, огромные острые валуны, беспорядочно разбросанные здесь и там, и разъедающая глаза синева бескрайнего неба. Разлапистые ели застыли в глубоких сугробах, кучкой сгрудились слева у отвесной стены и пореже – чуть дальше, у обрыва.

В первую секунду Марика задохнулась от морозного воздуха, попавшего в легкие, автоматически шагнула вперед и упала на колени – сапоги увязли по самую кромку. Ладонями уперлась в ледяной настил и, стоя на четвереньках, едва не взвыла от пронзившего руки холода. На спине – рюкзак, впереди – гротескный, поражающий воображение пейзаж, позади – все тот же снег без единого следа: ни двери, ни домика, никого.

Никого.

Одна на вершине заснеженных скал.

Куда ни поверни голову, везде одно и то же: бескрайние просторы застывшей в горах зимы, поскрипывание еловых стволов и равнодушное завывание ветра меж темных камней.

Свое положение она осознала только теперь: с собой ни еды, ни воды, дверь исчезла. Где находится кнопка эвакуации, неизвестно; куда двигаться – тоже. Почему не позвонила Ричарду, не предупредила, куда направляется? А что, если она вообще не вернется отсюда? Почему не взяла двухнедельную путевку на пляжи Арканских островов?

Поделом.

Сама хотела приключений, хотела изменить жизнь к лучшему, хотела... Неважно, чего она хотела раньше; важно, что теперь она стояла по колено в снегу, одна-одинешенька, заброшенная не пойми куда, и мерзла как суслик. Ладони начало ломить, изо рта вырывались клубы пара. Марика поспешно приняла вертикальное положение, не удержала равновесие, качнулась и села в снег задом. Обвела широко раскрытыми глазами пейзаж, сунула руки в карманы и едва не зарыдала. Сделалось по-настоящему страшно: до коликов, до вылетевших из головы мыслей, до обмякших, не желающих двигаться конечностей.

Природа давила величием. Природа показывала, кто есть властелин, а кто – мелкая бесполезная мошка, бессильная против первозданной стихии. Пришла? Ну, давай поглядим, на что способна. Мир есть я, и я буду стоять здесь и после того, как ты уйдешь, и мне нет дела до того, как далеко протянутся по снегу твои следы, через день их заметет, и все снова делается чистым, нетронутым, первозданным. «Ты чувствуешь это?» – шумели ели. «Слышишь?» – вопрошали скалы.

Марика посмотрела на ближайшее дерево, перевела взгляд на высившийся вдалеке, накрытый белой шапкой горный пик, затем на необъятные поля снега и неожиданно для себя разревелась.

Несколько минут спустя она очнулась, будто протрезвела. Вытерла слезы, стянула с плеч рюкзак и принялась в нем копать. Нашла шапку и рукавицы, сложила мешочек с семенами в отдельный кармашек, плотно его застегнула, обернула шею вытянутым из рюкзака шарфом, подумала, не исследовать ли другой отсек, но решила, что правильнее будет начать спуск с горы. Там, внизу, возможно, есть ручей, а может, и долина. Там больше шансов выжить, чем здесь, наверху. А остальное содержимое рюкзака она обследует позже.

Утеплившись, Марика подхватила поклажу с земли и закинула ее на плечо. Под подошвами закрипел снег. С трудом переставляя ноги – сапоги при каждом шаге утопали в снегу почти по колено, – она медленно и неуклюже двинулась вперед.

Если забыть о тревогах, здесь, под раскинувшимся над горами бескрайним ультрамариновым океаном неба, царило ощущение удивительного покоя. Синий и белый, белый и синий, с оттенками голубого в прогалинах. Глубокие тени ущелий, серые спины камней, седые верхушки деревьев. Скрип собственных подошв, царапающий щеки ветерок, качающиеся ветви.

Время застыло, мысли склеились, остался лишь путь вперед.

Куда... Зачем...

Существовали ли здесь люди? Постройки, живность, цивилизация? Находилось ли здесь хоть что-нибудь помимо укрытых белизной пейзажей, от которых неизменно захватывало дух? Как получилось, что за бабкиной дверью, где, по идее, должна была уместиться максимум каморка, раскинулись километры горных кряжей?

Наваждение. Иллюзия. Все это не могло, попросту не должно было быть настоящим, но именно таковым оно и являлось. Снег – спрессованными кристалликами льда, деревья – покрытыми шершавой корой стволами с гнутыми ветками, иглами и шишками, камни – твердыми, местами треснувшими валунами, холодными и жесткими. Настоящее. Все настоящее.

Солнце стояло в зените.

Марика не могла определить, насколько удалось спуститься, но вокруг сделалось теплее. Иногда ей казалось, что она следует по заметенной и запорошенной, но все же тропке, протоптанной неведомыми предшественниками, а в иные моменты это ощущение полностью терялось – ноги бороздили девственно-чистый мягкий снег, лежащий с основания времен.

Хотелось пить.

Говорили, что снег есть опасно, и она не решалась. Надо бы растопить, отфильтровать, согреть, но голова не сохранила деталей, как именно это сделать – лишь обрывочные фразы из ТВ-программ по способам выживания в суровой среде обитания. Почему она не училась? Не смотрела, не внимала, не мотала на ус? Тогда не считала нужным и теперь бы не считала, если бы не это...

Ничего. Просто двигаться вперед – это пока все, что требуется. Где-то там дорога закончится, семечки будут применены, и откроется дверь на выход.

А пока – просто вперед.

Несмотря на слезящиеся глаза и наваливающуюся усталость, Марика зашагала быстрее.

* * *

А еще через час произошла и первая встреча.

Все это время она старалась смотреть лишь под ноги – отраженный от сугробов свет слепил, – лишь изредка оглядывалась по сторонам, чтобы не упустить не то знака, не то указателя, хоть какого-то признака верного направления – глухо.

Слезы текли не переставая. Кто бы сказал, как нужны в горах солнцезащитные очки! Черт бы подрал эту бабку...

Человеческую фигуру, привалившуюся спиной к камню, она распознала не сразу. Бежевое и черное – то ли бревно, то ли коряга, кто бы всматривался в каждый силуэт. Только через полминуты, когда присыпанная тропка свернула к валуну, взгляд выхватил шапку, а за ней – телогрейку и руку, опирающуюся на палку.

У камня стоял человек. Дед.

Марика сбавила шаг. Точно, так и есть: дед. Одетый в замусоленную телогрейку длиной до колен, на ногах такие же, как на ней, Марике, меховые сапоги, на голове черная кроличья шапка, из-под которой торчат седые лохмы. Одна рука – в толстой рукавице размером с боксерскую перчатку, вторая варежка рядом. На снегу рядом с валуном бесформенной кучей лежал знакомый коричневый рюкзак.

Змейка следов огибала камень и уходила по тропе, ведущей к другой стороне той же горной вершины; значит, дед спускался оттуда.

Она подошла ближе и почти остановилась, не способная решить, стоит ли начинать диалог. С одной стороны, вперся бы он ей в три часа ночи, этот старче – у нее своя дорога, у него своя; с другой, вдруг они всего лишь вдвоем на Уровне, и старик знает о чем-то полезном?

Но незнакомец, видимо, не имея в голове той же дилеммы, заговорил первым:

– Здравствуй, девка!

Марика от такого приветствия фыркнула. Остановилась.

– Здравствуй, дед.

– Куда путь держишь?

Да если бы она сама знала.

– Вниз.

Наверное... Куда же еще?

Они помолчали, глядя друг на друга. Не друзья и не враги – пересекшиеся волею судьбы путники. Случайно или намеренно, на минуту, час или всю жизнь – не разберешь. Марикку встреча удивила и насторожила, деда, очевидно, обрадовала.

– Может, еда у тебя есть?

Марика разочарованно покачала головой – она хотела спросить его о том же.

– А где брать, не знаешь?

– Да ничего я тут не знаю. Ни куда идти, ни где ночевать, ни чем питаться.

– Вот и я тоже...

Ясно. Полезного мало.

– Может, вместе... – начал было он, когда Марика развернулась и зашагала вниз по тропе.

– Нет, – ее голова решительно качнулась. – Каждый сам, ладно? Без обид.

Ветерок шевелил белые усы и бороду; девушка, тяжело переставляя ноги, уходила прочь.

* * *

Привал получился вынужденным и необходимым: хотелось сходить по нужде, просушить на солнце взмокшие внутри сапог носки и просто отдохнуть. Ноги гудели.

Спустя какое-то время нашлось подходящее место: сосна с прогалиной позади, а перед сосной – плоский широкий камень, прогретый лучами.

Марика свернула влево. Быстро справила нужду за деревом, обогнула толстый ствол, огляделась и уютилась на покатый бульжник.

Удобно. Вот только отчаянно хотелось пить. И есть. Но если с едой еще можно повременить, то с водой уже никак: от свежего воздуха, непривычной нагрузки и обезвоживания начинала болеть голова.

За спиной, словно ряд тугих мачт, поскрипывал лес; впереди, через заметный спуск, который Марика про себя назвала «дорожкой», начинался обрыв. Там внизу лишь лед, камни и растущие на безмерно далеком дне деревья. Нет, к краю она приближаться не решалась (вдруг снег скрыл от глаз трещины в земле?), но изредка поглядывала на расстилающийся в долине пейзаж. Казалось, зеленый цвет там становился пышнее, все еще ни жилья, ни признаков других людей, но растительности больше, а снега меньше. Значит, туда и следовало идти. Может, там водятся кролики или какие хорьки...

Охотничьего снаряжения нет, навыков охоты тоже. Беда.

Она стянула опостылевшие сапоги, поставила их рядом, вытянула ноги, устало опустила голову и на какое-то время застыла.

Вчера, заполняя заявку, она всего лишь хотела совершить хоть что-то отличное от привычного, оправдаться перед собой за бессилие, а кое-где и за бездействие, хотела показать:

видишь, мол, я тоже что-то делаю? Не сижу, сложа руки, пытаюсь что-то изменить. Но хотела ли она и была ли готова к настоящим изменениям?

Да? Нет?

Скорее всего, нет.

Конечно, нет.

Точно нет.

Зачем теперь она сидит тут, на камне посреди снежных гор, и пытается отогреть руки, когда дома было так тепло и уютно? Дома осталась шикарная ванная комната – нежься в пене не хочу; полный холодильник еды, отборной, качественной и именно той, что она любит; мягкая манящая спальня, шелковистая и нежная, – спи, пока не надоеет. Работай, только когда выпишься, график свободный...

Что мешало? Что не давало жить?

Попытки самобичевания разбавляло кое-что еще: тень азарта, скрытый интерес, любопытство, в конце концов, далеко ли она пройдет? На каком шаге сдуется, попросится домой, вззоет от отчаяния и протянет руки к небу?

Конечно, трудностей в одночасье навалилось много, а с собой ни ножа, ни спичек, ни карты. Хотя...

Марика заинтересованно взглянула на рюкзак. Надо бы узнать, что внутри. Кто знает, что на дорожку положила «добрая бабушка»?

Поверхность зеркала мутилась, в ней беспрестанно клубился и плавал туман.

Марика крутила странный предмет в руках и недоумевала. Обычное вроде бы зеркало: овальная вытянутая ручка, круглое стекло, обрамленное витиеватой металлической рамкой с идущими по краям узорами, – но почему ничего не отражает? Зачем нужно зеркало, которое ничего не отражает?

Потрясла – туман скрутился спиралями, наклонила – поплыл в сторону, подняла над головой – клубы сделались тяжелыми и еще более мутными.

Ерунда какая-то.

Найденные на дне рюкзака камни лежали рядом: сиреневый треугольный аметист, сияющий прямоугольный изумруд, голубой топаз, рубин, сапфир, радужный хризолит и круглый черный перламутровый оникс.

Кто положил их туда, зачем? Можно ли находку оставить себе в качестве бонуса? Ведь если не пригодятся, то наверняка можно? И если камни есть камни и с ними что-то более-менее понятно, то в чем же секрет странного зеркала? Глядя на него, все время казалось, что из тумана вот-вот должно что-то появиться. Странное ощущение.

Вглядываясь в сероватые стуски под поверхностью стекла, Марика провела пальцем по орнаменту и прошептала:

– Что же ты такое?

И едва не подпрыгнула, когда темные вихри сложились в ярко-желтое светящееся слово «Помощник».

С гулко бьющимся сердцем Марика огляделась по сторонам – не видит ли кто, как она вцепилась в находку, – но вокруг все так же безмолвно стояли скалы; даже ветер, казалось, полностью стих. Затем положила зеркало на камень и наклонилась над ним.

– Помощник? Правда? Слава Создателю, хоть какой-то просвет... Зеркало, ты умеешь отвечать на вопросы?

«А ты умеешь слышать ответы?» – появилось на поверхности.

– Ну, я буду очень стараться. По крайней мере, я тут не одна. А с тобой.

Удивления по поводу «говорящего» предмета почти не возникло: наверняка какие-то технологии. Если уж Комиссия сумела создать горы за домиком в тупике улицы, то почему

бы ей не сварганить еще несколько хитрых штук, облегчающих путнику жизнь? Вполне себе миролюбиво...

Несколько секунд она напряженно размышляла. Вопросов куча, какой задать первым? Взгляд упал на драгоценные камни, разложенные на носовом платке.

– Зеркало, а зачем мне камни?

Туман с готовностью выдал:

«Каждому предмету в жизни есть место, время и предназначение».

Что за философия? Марика жадно и разочарованно вчитывалась в послание. Признаться, она ожидала более понятных и подробных инструкций: мол, возьми их, отнеси туда-то или отдай тому-то... или оставь себе. А про «предназначение»... это как-то очень размыто.

Не теряя времени, она предприняла новую попытку:

– А я в правильном направлении иду?

«Цели достигнет тот, кто не идет на север или юг, но просто движется».

Зубы скрипнули. Разочарование усилилось.

– А еду мне где искать?

«Открой не глаза, но зрение и сотвори желаемое прошением».

– Что? А по-человечески ты написать не можешь?

Магический предмет не ответил, все буквы пропали, стекло снова заволочло туманом.

– Вот как? – Марика поджала губы. – Как поумничать, так пожалуйста! А как нормальный совет дать, так сразу в кусты.

На смену возникшей радости пришла обида.

– Это у тебя времени много, а мне некогда размышлять, мне надо воду найти!

Туман скрутился в новую фразу:

«На что человеку дано время?»

Марика опешила и тут же взбрыкнула:

– Теперь я должна отвечать на твои вопросы?

«Не мне ответить. Себе».

Гадкая стекляшка не помощник, а мозгопудрилка, оракул, черт бы его подрал.

– Толку с тебя ноль!

«Хочешь получить Знание – будь готова жертвовать».

– Жертвовать чем?!

«Гордостью».

– Да не пошло бы ты... – Накатила злость. Думала, нашла друга, на душе сразу сделалось светлее, а тут не друг, а не пойми что. – Вот засуну тебя в рюкзак, и пылись там, пока не треснешь.

Как проявилось слово «дура», она не увидела, потому что в этот момент откуда-то справа, с той стороны, откуда она спускалась, раздался протяжный крик, сменившийся стоном.

Марика застыла.

Бежать, смотреть, что там, или сделать вид, что не слышала?

Стон стих.

Позади поскрипывали ели; на ветке куста, росшего у самого обрыва, беззаботно щебетала серая птичка. Ее радостное чириканье неприятно оттеняло повисшую над горами тишину. Солнце, бескрайние равнины под монументально застывшими снежными пиками, переливающиеся сугробы...

Зажмурься. Сделай вид, что ничего не слышала. Забудь, забудь, забудь.

Руки сами принялись спешно скидывать камни в рюкзак. Марика сунула зеркало в карман, обулась, впопыхах натянула на плечи лямки и, коря себя на чем свет стоит, бросилась вверх по склону.

Туда, откуда раздался крик.

* * *

Деда, поскользнувшегося на камне и съехавшего почти до края утеса, она тащила назад изо всех сил. Шумно дышала, цеплялась за телогрейку так, что едва не порвала ее, упиралась сапогами во вмерзшие в землю бульжники и тянула-тянула-тянула...

– Сумка! Девка, моя сумка!

– Да к черту твою сумку!!!

– Там же семечко!

В этот момент она его ненавидела. Угловатого, хилого, беспомощного, мешающего собственному спасению – дед рвался назад, за рюкзаком, который, зацепившись за корягу, завис на самом краю бездонного, глубочайшего обрыва, куда если съедешь, то все.

– Да помоги же мне, дед! Толкайся ногами от камней! Выбейся!!!

Она вытащила его на тропу за воротник, не обращая внимания на всхлипы и стоны. Как котенка, как провинившегося отпрыска: зло, рывками, рыча от усердия.

– А моя сумка? Она ведь сорвется!

Дед плакал. Весь в снегу, мокрый и дрожащий, указывал пальцем на рюкзак и причитал.

Марика едва не заорала от ярости. Чем старый хрыч думал, сунувшись на этот дрянной Уровень? Здесь молодому и здоровому ногу сломать – как нечего делать, а старику? Как же кальций, витаминчики, теплая грелка и кресло-качалка? А-а-а? Пледом бы укрылся, газетку почитал – так нет же, сидит теперь весь в снегу и хнычет.

– Ты чем думал?! Тропа ведь узкая, скалы держаться надо было! А теперь все, ушел твой рюкзак в гору. Точнее, с горы.

Она зло хохотнула. Из-за нервов, напряжения, ударившего в голову адреналина.

– Достань, заклинаю!

– Что?! Я же еще и достань? Да мне что, заняться нечем?!

– Прояви человечность, девка, пожалуйста! Помоги мне. Если семечко потеряю, то все...

– Про какую человечность ты говоришь, дед? Где была твоя человечность, когда ты, старый хрыч, поперся на этот Уровень? Чтобы тебя такие, как я, на плечах несли? В башке-то хоть чуть-чуть мозгов осталось?!

Дед закрыл морщинистое лицо посиневшими от мороза руками; мокрые варежки, припорошенные снегом, валялись рядом.

«Он ведь тоже не знал, куда шел...» – прошептал внутренний голос, и Марика, зарывав, сжала кулаки, бессильно топнула ногой и зло зашагала на поиски палки, которой можно было бы зацепить и вытащить треклятый дедов рюкзак.

* * *

Она в очередной раз оставила его позади – деда с лежащей у ног сумкой.

Какое-то время шагала без мыслей – усталая и опустошенная; взметнувшийся уровень адреналина схлынул, Марика вконец оголодала. С притупившимся чувством осторожности, забыв про предубеждения, грела снег в ладонях, жадно пила воду и все никак не могла напиться. Тело без дополнительного источника энергии в виде пищи постоянно мерзло.

Казалось, день растянулся в бесконечность; солнце из зенита медленно клонилось к горам, скрипели подошвы, шуршала толстовка, легкие превращали морозный воздух в пар, ноги двигались на автомате: вытащить одну, утопить в снег, вытащить другую, утопить в снег – эдакий маленький робот, бредущий из ниоткуда в никуда.

В какой-то момент, пробираясь через груды камней, она оступилась, поскользнулась на ледяном настиле, резко взмахнула руками, не удержалась, упала набок и покатила вправо,

туда, где зиял овраг. Попытки схватиться за торчащие из земли ветки, затормозить подошвами, бороздить рыхлый снег пальцами не помогли – край неумолимо приближался.

Марика захрипела от страха.

Ужас сковал горло, крик застрял в нем, как кусок луковой шелухи в засорившейся водопроводной трубе.

Два метра... метр... Обрыв все ближе!

Последняя попытка уцепиться за тонкие прутья чахлого куста не увенчалась успехом, раздался натужный треск веток, рукавица соскользнула с ладони и, отброшенная спружинившей веткой, отлетела назад, в то время как сама Марика, на долю секунды застыв у самого провала, окруженная ворохом снега, полетела вниз.

Спустя несколько минут, оглушенная и растерянная, она обнаружила себя стоящей на четвереньках и трясущей головой. Снег сыпался с волос, из-за воротника, каплями стекал по лицу. Шапка валялась рядом, в руках осталась только одна рукавица. В висках шумело, ныли бедро и растянутая лодыжка.

Ей относительно повезло.

Край, с которого она сорвалась, таил за собой не бездонную пропасть, сдобренную каменными отвесами (случись так, и лежать бы ей уже мертвой), а довольно пологий склон – мягкий, если бы не редкие камни и древесные стволы, неудачно встретившиеся на пути хрупких человеческих конечностей. И если бедро, судя по ощущениям, отделалось лишь синяками, то левая ладонь кровоточила – край валуна пропорол кожу недостаточно глубоко для большой кровопотери, но в самый раз для противной ноющей боли.

В который раз за этот день захотелось рыдать; черт бы подрал этот поход, желания, вечный снег, поганые боты с чужой ноги, проклятую потерявшуюся варежку...

Холодно, одиноко, страшно...

Теперь вместо отвесных скал и тропы слева высился склон – обратно не взобраться, – а справа лес.

Потерялась. Окончательно потерялась.

Она едва было не задумалась о поиске «красной» кнопки, когда ветерок неожиданно донес новый тонкий, почти неуловимый запах – запах костра, и Марика, ощущая себя зомби, моментально забыла о ноющем бедре, потерянной варежке и рассеченной ладони. Неуверенно поднялась и принялась.

Точно. Запах дыма.

Морщась от боли и не замечая застывших на щеках слез, она натянула на голову мокрую шапку и направилась вперед.

* * *

– А почему я должен делиться с вами едой?

– Ну что вам, жалко?

Языки пламени облизывали нанизанные на прутья шипящие, пузырящиеся и истекающие жиром сочные сосиски.

Четыре штуки.

Марика смотрела на них, как цирковая собачка, готовая встать на задние лапы, станцевать, твякнуть, взвизгнуть или сосчитать кубики – сделать что угодно, лишь бы получить кусочек.

– Хоть одну. Ну хоть половинку. Я не ела с самого утра...

Мужчина, одетый в черную спортивную куртку и тонкую вязаную шапку, к мольбе остался глух. Рядом с костром на сумке лежала надломленная буханка хлеба.

Хлеб, сосиски... Где он взял их? Здесь нет ни денег, ни магазинов, куда можно пойти и сказать: «Дайте».

Угли распространяли вокруг себя драгоценный жар, хотелось подойти ближе и протянуть к огню озябшие руки.

- Где вы взяли еду? Скажите, и я сама туда схожу.
- Вы привыкли, чтобы вам все рассказывали и объясняли?
- Вы имеете в виду, на блюде подавали?
- Именно.
- Нет, не привыкла. Так где вы их взяли?

Вместо ответа незнакомец невозмутимо опустил на корточки – плотные джинсы на коленях натянулись, – снял кожаную перчатку, бросил на снег и принялся неторопливо покручивать прутья. Сосиски зашипели громче.

Марика почувствовала, как от голода голова пошла кругом: еда так близко, но не подойти и не взять. Едим гейзером взметнулось отчаяние.

– Хоть хлеба отломите! Полкорки! Создателем молю, неужели вам жалко?! Или еды дайте, или расскажите, где ее найти.

Только сейчас она заметила, что брови и щетина у незнакомца темные, а глаза светло-серые – редкое сочетание. Светлые и равнодушные, как кусок пасмурного неба.

Мужчина поднялся, расправил плечи и хмуро взглянул на гостью – взгляд тяжелый и холодный, с таким «да» не говорят. Да и мягко зазвучавший голос не умалил жесткости слов.

– Дамочка, вы вообще зачем сюда пришли? Нет, не к костру, – пояснил он, увидев навешенный прицелом винтовки на мясо голодный взгляд, – на Уровень? Давайте подумаем вместе: вы ведь не пришли сюда, чтобы просить за других, с такими желаниями на Магию не пускают, таков закон; значит, вы пришли просить что-то для себя. Судя по тому, что вы молоды и больной не выглядите, то хотите либо денег, либо славы, либо знаменитости, либо чтобы вас любили. Чего еще помимо этого желают женщины? Улучшить внешний вид, уменьшить бедра, увеличить грудь, изменить цвет глаз, «загустить» волосы...

Марика от злости сделалась пунцовой.

– У меня прекрасная грудь и шикарные волосы...

– Да мне плевать и на то, и на другое. Чего бы вы ни пожелали, вы хотели бы стать счастливее, правильно? Так вот и боритесь за это. Включайте голову, выдержку и волю; ищите еду, думайте, анализируйте, слушайте, учитесь, подстраивайтесь. Неужели вы думали, что ступите сюда, и под ногами расстелется красный ковер со стрелками, а приставленный лично вам повар будет готовить завтрак, обед и ужин? Да еще и на выбор из меню?

– Я всего лишь попросила одну сосиску, вы, жадина!

Жесткая линия губ уползла вбок, искривилась в усмешку.

– Жадина? Поверьте, иногда первое впечатление ошибочно. Однажды вы будете благодарить меня за то, что не накормил вас и тем самым помог.

– Вы не просто жадина! Вы жадина с непомерно раздутым самомнением!

С дрожащим подбородком Марика смотрела не на мистера «вся-еда-моя-и-не-проси», а на поджарившиеся, готовые к употреблению, чуть скукожившиеся сосиски; смотрела, как на любимого, в последний раз, прощаясь: в глазах – слезы, в горле – ком, в желудке – бунт. Еще секунда – и нагрянет истерика. Чтобы не провоцировать неадекватную реакцию (подбежать-схватить-сожрать!), она кое-как заставила себя развернуться и двинуться в направлении от костра.

В ответ на брошенную в спину фразу «Обращайте внимание на знаки!» прошипела: «Пошел к черту!», передернула плечами и зашагала быстрее.

Перед глазами стояли похожие на камыши, склонившиеся над костром прутья с сосисками.

Глава 4

Ни одной красной точки – тишина и спокойствие; за последние три часа экстренных вызовов о помощи не поступало. Полнейшая благодать.

Майкл Морэн держал в руках отломленный кусок хлеба и задумчиво смотрел на электронную карту.

Как ее сюда занесло? Гостью?

Тропа проходит выше, эта поляна надежно скрыта от глаз, дым относит ветром в безлюдную сторону – он просчитал.

Обычно Уровень ведет путников стандартными путями (за последние несколько лет Майкл досконально изучил их все), но эта сбилась с курса. Должно быть, а судя по одежде, именно так оно и было, она банально свалилась с горы и выбралась прямо к его стоянке.

М-да. Случается.

Хлеб на морозе сделался чуть твердым и изумительно вкусным, Морэн сдвинул с прута на ломоть пахнущее дымом мясо, откусил и принялся жевать.

Костер тонко посвистывал – из веток выпаривалась влага – и потрескивал мелкими рассыпавшимися угольками. Величественные ели застыли у кромки поляны немymi стражниками, их верхушки постепенно окрашивались золотым.

Упала, значит... Тем лучше для нее. Доберется до первой критической отметки уже этим вечером и, если не будет душой, сможет провести ночь не на снегу. Первую ночь на Уровне вообще мало кто переживает – не хватает стойкости. Чуть что – сразу хватаются за «кнопку».

По карте медленно перемещались помеченные разными цветами объекты; один из них, судя по скорости, через несколько часов приблизится к тому отвесу, откуда скатилась незнакомка.

Как, кстати, ее имя?

Палец коснулся поверхности экрана.

«Марика Леви. Время вхождения на Уровень – 12:06. В наличии пять зерен».

Пять зерен?

Майкл присвистнул (кто после этого жадина?) и покачал головой: больше зерен – сложнее идти.

Посмотрим, через сколько ты взвоешь, дамочка...

График напротив ее имени вздымался бугорком; проводник взгляделся внимательнее. Когда она успела кому-то помочь, ведь пересеклась только с одним путником? Значит, Уровень начал тестировать с первых шагов; ох, несладко придется этой Марике, несладко. Ждать ему сигнала в ближайшие несколько часов – как пить дать запросит девчонка о помощи. Видал он таких, наглых и вредных, долго они не держатся.

Доедая последнюю, уже остывшую сосиску, он нехотя вспомнил полные мольбы карие глаза и подумал о том, что всем хочется получить желаемое, но не всем для этого почему-то хочется прилагать усилия.

Что ж, жизнь есть жизнь: кто-то научится, кто-то нет.

Прутья полетели в костер, хлеб, замотанный в ткань, отправился в сумку, зашипели присыпанные снегом угли.

Спрятав планшет в сумку, Майкл поблагодарил поляну за тишину и спокойствие, посмотрел в небо, позволил себе на несколько секунд мысленно слиться с природой, постоял так, пропитанный ощущением тихого безмолвного величия, затем поправил шапку и зашагал в сторону еловой чащи.

* * *

Вечерело.

В этом месте лес снова упирался в пологий склон, покрытый поваленными стволами и валунами. Так было бы быстрее, но Марика не рискнула съезжать с него на пятой точке, опасаясь новых вывихов и синяков. Вместо этого присела на пенёк и хмуро огляделась вокруг.

Куда идти?

Если влево, то снова к кряжам и узким тропам, проходящим вдоль скалы, направо в овраг – нет гарантии, что не утонешь в снегу, прямо не пройти – каменная расселина, к которой даже приближаться боязно.

Она устало опустила голову и прикрыла глаза.

Да, чем ниже, тем теплее, но сугробы, кажется, меньше не становятся. Как спать, где? Солнце закатилось за верхушки деревьев и теперь пробивалось сквозь ветви паутиной оранжевых лучей. Синева снега углубилась, тени сделались сочными, густыми. Еще час, и лес накроет темнота.

С тех пор как Марика съехала в овраг, ощущение людского присутствия пропало полностью: ни заметенных троп, ни следов, ни звуков, помимо скрипа тяжелых ветвей да стука невидимого дятла.

Ныла лодыжка, болела ладонь.

Ощущение сытости, что появилось после того, как она нашла и съела несколько жестких, побитых морозом сладковатых плодов, висящих на корявом разлапистом дереве, почти пропало, хотя во рту остался тягучий привкус кожуры, в которую она вгрызалась с упорством бульдозерного ковша.

Что за плоды? Толстые, вытянутые, с острым кончиком, похожим на корнеплод моркови, – она не знала. Сорвала еще несколько про запас, чтобы (если не окочурится от их яда час спустя) съесть позже. Вкуса ноль, эстетики тоже, но хоть какая-то энергия. Под вечер – этот длинный, затянувшийся вечер странного дня – стало не до жиру.

Марика медленно впадала в отчаяние.

Ни тебе ковра, ни повара, ни личного навигатора, но хоть какие-то знаки, куда идти, должны быть? Еда, питье – хоть что-то должно быть предусмотрено для того, кто ввязался в эту грандиозную эпопею «выйди за бабкину дверь»? Не помирать же, в самом деле, от голода и холода? Руки, вон, синие, уже почти не шевелятся, ноги – как гудящие трубы, стопы болят при каждом шаге, а вокруг только снежный лес и ни души.

Не смешно это.

Да, теперь совсем не смешно. Где сейчас тот мужик, что жарил сосиски? Поди, спит в деревянной избушке на мягкой постели; он, судя по всему, много тайн знает: и куда идти, и где хлеб достать, и как питьевую воду найти. Знает, но не поделится.

Марика скрипнула зубами.

А где сейчас дед? Прошел ли то место, где она упала вниз? Может, тоже нашел оборудованную стоянку и не парится, как она сейчас, выбором дальнейшего маршрута. Надо было идти вместе, ведь предлагал же...

Лес потихоньку темнел; на душе становилось все мутнее.

Звонил ли Ричард? Если да, она все равно не узнает: сотовый по приказу бабки остался в машине.

Машине... На которой сейчас можно было бы поехать домой – теплый салон, мягкий кожаный руль, чистый вечерний город. Пешеходы, витрины, зонтики ресторанов, официанты в белых фартуках, разносящие на подносах янтарное пиво. Разговоры с приятелями, сигаретный

дым, проносящийся мимо свет фар, цокот каблучков, звук шипящего на сковороде мяса из соседней забегаловки.

Там сейчас не зима, там летний вечер. Она могла позвонить кому-то из друзей (пусть не близких, но друзей), пойти в кафе, пообщаться. Или сесть и написать сценарий для новой сногшибательной по рейтингу программы – наверняка бы вдохновение к этому моменту вернулось. Кофе, закатный свет в окно, мягкий привычный стук клавиш...

А могла бы просто прокатиться по укутавшимся в сумерки улицам, смотреть на стоп-сигналы впереди идущей машины и ни о чем не думать, чувствовать рокот мотора, вдыхать запах ветра и травы, сжимать руками руль и на ощупь привычно переключать радиостанции. Бездумно щелкать кнопкой, пока не зазвучит из колонок та мелодия, от которой сожмется сердце, захочется вдохнуть полной грудью и, быть может, сделать что-то иначе...

В какой-то момент Марика очнулась от размышлений.

Нет. Все это иллюзия.

Да, она могла бы заниматься всем этим, но почему-то не занималась. Это только в мечтах все укрыто золотым сиянием, на душе легко и спокойно и, кажется, радуешься каждому мгновению жизни.

Но ведь не радовалась. Не встречалась с друзьями, не писала новый сценарий, не ездила по ночным дорогам. Вместо этого плакала и пила, недовольная каждым днем, вставала утром с ощущением пустоты и его же уносила с собой вечером в постель.

Именно поэтому она здесь, в вечернем заснеженном лесу, на непонятном Уровне. Именно поэтому в кармане рюкзака пять заветных семечек, и именно поэтому нужно двигаться вперед. Да, сложно, да, черт бы знал, куда идти, но идти все равно нужно.

Марика подняла голову и снова огляделась. Безнадега усилилась.

Куда идти? Куда?

– Кто-нибудь, хоть кто-нибудь, пожалуйста, подскажите мне... – прошептала с отчаянием, глядя на проглядывающее сквозь ветки багровое небо.

Возвала непонятно к кому всей душой, каждой клеткой, не особенно надеясь на отклик. Вытерла пальцем набежавшую в уголке глаза слезинку и понурилась, пытаясь мысленно подбодрить себя. Надо просто встать, просто идти дальше, просто что-то делать...

Когда невдалеке раздался незнакомый звук, резко вскинула голову и замерла. Хлопающий шорох приближался. Марика испугалась, распахнула глаза и через мгновение увидела источник: на нижнюю ветку сосны неторопливо и грациозно опустился орел, сложил широкие мощные крылья, качнулся вместе с опорой и затих. Повернул белую голову, взгляделся в девушку глазом-пуговицей и замер.

Марика распахнула рот. Затем медленно закрыла его. Да, здесь, как она заметила, водились птицы, но чтобы такие большие? Почему он сидит так близко, не на верхушке, где ему было бы самое место, а прямо в чаще перед ней?

Орел... настоящий орел. Или орлан, как их называют?

Птица выжидала. Иногда отворачивалась в сторону, чистила перья, затем снова неподвижно смотрела на Марику. Спустя полминуты орел взмахнул крыльями и полетел по направлению к скалам, но не исчез из поля зрения, как она ожидала, а вновь присел на одну из нижних веток и принялся выжидать, рывками поворачивая голову.

«Следи за знаками», – всплыла вдруг в голове фраза незнакомца. Следи... Следи... Неужели это он, знак?

Марика поднялась с пня и осторожно сделала шаг вперед.

– Ты за мной прилетел? – зачем-то спросила сидящего в отдалении орла. – За мной?

Птица ждала молча и будто нетерпеливо. Ни звука, ни шороха, лишь мерное покачивание покрытой снегом ветви.

– Пожалуйста, пусть это будет так. Пусть ты покажешь мне дорогу...

Чувствуя себя глупо и ожидая, что орел в любую минуту взмахнет крыльями и взмоет в небо, она побежала вперед.

* * *

Найденная на самом дне рюкзака красная кнопка оказалась маленькой квадратной дощечкой размером со спичечный коробок. Ни выпуклого пластика, ни внушительного пафосного вида – обычный выдавленный в дереве круг, куда можно приложить палец.

Марика не знала как, но знала, что конструкция сработает: надави на центральную часть окружности, запроси помощь – и все, выход открыт. Так просто и так сложно.

В груди сделалось глухо и тоскливо. Грустно.

Помощи просить не хотелось. Как и уходить.

Но спать на стылой земле? Как? Вырыть пещеру, и что после? В толстовке прямо на снег, а голову на рюкзак? А утром попробовать собрать обмороженные конечности воедино, убедиться, что этот шаг был одним из самых глупых в жизни? Вот посмеются медсестры, выживая пациентку с диагнозом «невралгия»...

А ведь в какой-то момент она действительно поверила, что орел ведет не просто так, ведет целенаправленно, к просвету в конце тоннеля, ведет к стоянке, где можно по-человечески переночевать.

Несколько раз она теряла его из вида, но затем находила вновь и бежала-бежала-бежала. Птица порхала от дерева к дереву, присаживалась на ветки иногда дальше, иногда ближе, и Марика, собрав последние силы, следовала за ней. Запиналась, задыхалась, кое-как вытаскивала тяжелые промокшие сапоги из снега, кляла все на свете и, не имея шанса отдышаться, делала новый рывок.

Орел (она могла в этом поклясться) смотрел на нее и каждый раз ждал, пока двуногое неуклюжее создание доберется до очередной выбранной им сосны.

Ждать-то ждал – спасибо ему огромное, – но что в итоге?

Марика в который раз оглядела залитую красно-оранжевым закатным светом поляну. Странное место, почти зловещее: восемь тотемов, расположенных по кругу, словно деления на циферблате часов, у каждого не то лицо, не то маска – застывшие изваяния, вырезанные из деревянных столбов. Один с крыльями за спиной, другой с барабаном в руках, третий с палкой, напоминающей жезл. Улыбаются, грозно скалятся, наблюдают выпуклыми деревянными глазами. Все, как один, укрытые на макушках белыми шапками.

Кто поставил их здесь, зачем? Кто вырезал странные черты лица, разлапистые пальцы, узоры на груди? А главное, зачем именно сюда привел орел, на идеально ровный, застывший посреди чащи снежный пятак?

Солнце скатилось ниже и запуталось в ветвях, все укуталось в мягкий розоватый бархат, плавно соскальзывающий в сумеречную синеву. Еще десять-двадцать минут, и на лес опустится ночь. И тогда только один выход – нажимать на кнопку. Потому что не решится она ночевать на снегу, побоится спать под открытым небом, когда рядом ни костра, чтобы согреться, ни подстилки или одеяла, чтобы уберечь тело от мороза. Еще неизвестно, водятся ли здесь дикие животные.

Мысли клубились, как снежные тучи, одна тяжелее другой.

Орел улетел сразу же, как только Марика ступила на опушку: пронзительно вскрикнул на прощание и взмыл в небо.

Тотемы она обследовала, каждый осмотрела, потрогала, пристально изучила, проложила дорожку из следов по кругу, но назначение статуй так и не поняла. Попробовала поговорить с зеркалом, но то вновь принялось выдавать витиеватые фразы, не поддающиеся расшифровке.

«Присмотрись... Здесь сошлось воедино время, пространство и нужные предметы... Части ключа в твоих руках...»

Марика вздохнула, отложила зеркало на рюкзак и уронила голову.

Опять двадцать пять.

Это в сказках герой всегда находит выход, легко оценивает ситуацию и преодолевает препятствия, а в жизни... В жизни все иначе: пень под попой, стылая тишина вокруг, скрывшийся в небе проводник, так и не пояснивший, куда и зачем привел, мокрая от пота толстовка, из-за которой мерзли спина и руки, замерзшие ступни, полное отсутствие еды и сил и лежащая на коленях дощечка с нарисованной кнопкой.

На сердце досадно, в голове пусто.

Не продержалась она долго, даже дня не смогла протянуть. Вот тебе и желания, вот тебе и семечки. Что ж, посидит еще несколько минут, потом запросит о помощи, ей откроют дверь, выпрут наружу и пожелают долгой счастливой жизни. Или не пожелают – какая теперь разница? И поедет она домой на любимом авто, чтобы вновь утопать в привычных буднях, стараясь не вспоминать о том, что когда-то не сумела даже начать бороться за то, чего так хотела достичь. Не проявила ни воли, ни силы, ни характера.

Хорошо, что хоть ничего не сказала Ричарду. Вернется, как ни в чем не бывало, позвонит ему, поластится, назначит новую встречу и попробует забыть о том, что легким не хватает воздуха, сердцу – радости, а душе – жизни. Все так живут. Если не все, то многие. А те счастливики, что светятся от полного довольства, встречаются только на разворотах журналов и рекламных щитах. И так ли счастливы их лица, когда момент схвачен, затвор фотоаппарата щелкнул, и постер ушел в печать? Наверняка эти люди, выходя из студии, так же, как и все остальные, погружаются в пучину проблем, недовольства и отсутствия глубинного смысла собственного существования.

Что за замкнутый круг?

– Зеркало, я, кажется, сдаюсь, представляешь? Сдаюсь... – прошептала Марика, глядя на протянувшуюся по снегу тень от ближайшего столба ростом чуть ниже ее самой. Поскрипывание еловых стволов за этот бесконечно длинный день стало привычным, как ранее – гул бороздящих проспект автомобилей.

Не хочу. Не хочу возвращаться.

«Когда ты готов сдаться, ты гораздо ближе к цели, чем когда-либо», – проявила мутная поверхность слова.

Марика прочитала, качнула головой и отвернулась.

– Нормальных подсказок ты, как всегда, не даешь.

А ведь с тех пор, как она шагнула за бабкину дверь, мимо не проехало ни одной машины – ни гула, ни выхлопных газов. Марика почему-то осознала это только теперь. Если бы не бесконечная, изнуряющая пешая прогулка и отсутствие еды, получился бы хороший отдых на природе. Отменные по красоте пейзажи, кристальная чистота воздуха, тишина и покой.

Но не получилось. Надо принять это, смириться.

«Трудности означают, что ты на Пути, и ты движешься».

Прочитав очередную выданную зеркалом фразу, Марика обиженно фыркнула, потеряла колени и обвела хмурым взглядом поляну.

Что ж, пришло время уходить. Но перед этим она совершит ритуально-прощальную прогулку мимо статуи.

Как-никак, это последнее место, которое она увидит и запомнит перед отправкой в Нордейл.

Пальцы нервно скользили по шероховатой поверхности; слепо смотрели мимо плеча деревянные глаза.

Символ Солнца. На этом точно изображен символ Солнца. Или же это символ Огня?

Но зачем? Для чего он вырезан на тотеме?

Почему-то этот простой знак, знакомый по передаче об амулетах, к которой она сама когда-то писала субтитры, поставил Марику в тупик.

В руках начиналась нервная дрожь – скоро стемнеет, нужно поторопиться и еще раз осмотреть статуи. Вдруг письменна на других тоже удастся разобрать?

Быстро закрипели по протоптанной дорожке подошвы сапог; свет на поляне истлевал со скоростью прогоревших углей.

Так, а этот? Что означают три волны, проходящие одна над другой?

«Вода, – мелькнула короткая, как пистолетный выстрел, мысль, – это Вода. Одна из стихий или первоэлементов».

Следующий...

Она сумела отыскать в недрах сознания ассоциации значений для еще трех знаков, изображенных на идолах: один держит посох, другой – шар, третий опирается на треугольник. Посох, упирающийся в квадрат – это четыре сезона, природа, дерево, растительность... Да, Дерево и Жизнь. Три круга, один в другом – Вселенная, треугольник – Знание или... Что еще обозначали треугольником?

Марика едва не взвыла от усердия, пытаясь выудить из памяти многократно прослушанные некогда строчки.

«Некоторые полагают, что две точки, опирающиеся на землю, и пик, устремленный в небо, символизируют один из первородных элементов – Металл...»

Она остановилась и задрожала от нахлынувшего возбуждения.

Может ли символ треугольника на самом деле обозначать металл? Но опять же: для чего?

Тщательно осмотрев все восемь тотемов, Марика принялась нарезать по поляне круги. Лоб нахмурился, ладони то и дело терлись друг о друга – шел напряженный мыслительный процесс. Почему на барабане изображена скрученная спираль? Что это – вихрь? Бесконечный поток? Воздух? Да, скорее всего Воздух... Вновь стихия или первоэлемент.

Идея еще до конца не сформировалась, а Марика уже кинулась к рюкзаку и принялась искать лоскут ткани, в который в полдень завернула блестящие безделушки.

Досадно, ведь так хотелось забрать их с собой. Даже мужику не стала их предлагать за сосиски, хотя он все равно, скорее всего, не согласился бы на обмен...

Через секунду камни были найдены. Семь камней. Семь.

Но почему семь, когда тотемов восемь?

Она на мгновенье застыла в страхе: а что, если догадка неверна и ничего не выйдет?

Видел бы ее сейчас Ричард: стоит неизвестно где, посреди сумеречного леса, с лихорадочно блестящими глазами и головой, полной безумных идей. Наверное, в этот момент она напоминала встрепанную ведьму, додумавшуюся до схемы ингредиентов для нового зелья. Да, всклокоченная, потная ведьма с красным носом и потрескавшимися от мороза губами – полный антипод идеальной холеной женщины, которую он так хотел видеть рядом с собой. Вечно идеальная женщина без изъяна, фарфоровая кукла без единой трещины – все то, чем она на данный момент не являлась.

Черт с ним, с Ричардом.

Марика хохотнула.

Зачем-то же оказались в рюкзаке эти камни? И не напрасно орел привел ее на эту поляну. Наверняка одно принадлежит другому, как куски мозаики, о чем и талдычило вредное зеркало.

В свете догорающего дня дрожащие пальцы разложили самоцветы на мятом платке в неровный ряд, а глаза принялись лихорадочно сканировать цвета и формы.

Символ Солнца – это топаз. Он же является символом Огня. Желтый, яркий, круглый... Вот с него и стоит начать эксперимент. Если сработает, она разберется и с остальными.

Марика взяла камень, повернулась и замерла, слушая неровный и быстрый стук собственного сердца – какая странная идея, какой странный мир, магия... Неужели она существует на самом деле?

«Ты провалишься, дура, – шептал внутренний голос. – Ты всегда была впечатлительной идиоткой, а теперь вообще сбрендила...»

Она не стала слушать внутренний монолог – сфокусировала взгляд на нужном тотеме и зашагала вперед. Приблизилась вплотную, осмотрела все впадинки и выемки, пытаясь решить, куда вставить самоцвет, и, так как кроме распахнутого рта ничего подходящего не нашлось, осторожно, затаив дыхание и сдерживая нервную дрожь, положила топаз в углубление сразу за деревянными зубами.

За те несколько секунд, пока ничего не происходило, она успела проклясть собственную наивность, расстроиться из-за несработавшей идеи и вновь впасть в отчаяние.

А потом раздался низкий, едва уловимый гул, и глаза тотема медленно засветились желтым.

Марика бурундуком отскочила в сторону.

Прямо через то место, где она только что стояла, до середины поляны протянулся яркий луч янтарного цвета. Не до статуи напротив, не мимо нее до леса, а именно до центра снежного пятна и ни метром дальше, словно невидимое зеркало сдерживало льющийся поток.

Теперь она дышала тяжело. Распахнутые глаза со страхом впились во вспыхнувший в центре столба символ Солнца; топаз во рту статуи ярко сиял.

Боже, так ведь и уделаться можно... Но бинго! Она угадала и с обозначением, и с камнем, и с его принадлежностью этому месту.

Мерзнувшие до этого ладони моментально вспотели. Марика постояла несколько секунд, не имея сил отвести взгляд от луча, затем с опаской провела по нему рукой.

Пальцы прошли через поток насквозь, на мгновение окрасившись в желтый, – ничего особенного не произошло, тепло, но не более того.

Тогда она кинулась к рюкзаку.

Какой камень может принадлежать земле или жизни? Зеленый? Ведь именно этот цвет олицетворяет зарождение и движение. Зеленый, зеленый, зеленый...

Схватив изумруд, Марика галопом понеслась к тотему с посохом. Как только драгоценность оказалась у того во рту, до центра поляны протянулся новый луч; гул усилился. Глаза идола, как и в прежнем случае, зажглись, изумруд вспыхнул.

Вокруг сделалось светлее.

За какие-то несколько секунд Марика напрочь забыла о своем недавнем желании покинуть Уровень; в кровь хлынули возбуждение и азарт, мозг загрохотал мыслями, как локомотив.

Воде принадлежит сапфир, воздуху – аметист, земле (а сплошная линия без дополнительных элементов наверняка и есть земля!) – черный оникс. Тогда как расположить оставшиеся камни – рубин и хризолит? Кому какой?

Дилемму удалось решить путем напряженного осмысливания и сравнения форм: у одного в руках треугольник, значит, ему треугольный хризолит, а другому, тому, что с крыльями, последний из оставшихся камней – рубин.

Когда к центру протянулись еще два луча – радужный и ярко-алый – Марика издала победный клич и гордо оглядела плоды своих трудов: теперь опушка сияла, как картинка с новогодней открытки. Свет от тотемов не позволял опустившейся ночи накрыть поляну сумраком, а от слаженного гула, похожего на гудение электрических проводов, на душе делалось спокойнее.

Какое-то время она бездумно созерцала странную картину из сюрреалистической сказки: горящие глаза, сделавшиеся почти живыми, прорисовавшиеся ободки символов, свет, исходящий от статуй – зачем же все это нужно?

А после с замиранием сердца Марика повернулась к восьмому тотему, потухшему и молчаливому, и задумалась. Что предложить ему? Как сделать так, чтобы появился восьмой, завершающий октагон луч?

Она присела возле статуи и всмотрелась в два непонятных знака. Что означают изогнутые скобки, соприкасающиеся острыми концами, вырезанные в области сердца, и ромб с заключенным внутри треугольником, расположенный на лбу?

Вокруг безмолвно застыл лес; мерно жужжали и слегка потрескивали невидимыми искрами лучи.

Ответов не было.

В ход шло все: прутики, шишки, слепленный снежок, мокрая варежка и даже пучок собственных волос – Марике делалось стыдно, когда она пихала все это тотему в рот.

Ну нет у нее с собой ни кольца, ни кулона, ни серег – даже захудалого циркония на ниточке, который статуя, возможно, приняла бы. А от примитивных подношений, которые Марика то складывала, то выметала из углубления, глаза не зажигались.

У нее бы тоже не зажглись, запихни ей в рот мокрую варежку...

Пять минут спустя, когда кулек с идеями опустошился, она присела на пень, взяла в руки зеркало и взмолилась:

– Ну помоги мне, пожалуйста! Подскажи, как сделать так, чтобы последний тотем заработал? Я буду слушать, обещаю.

Мутная поверхность выжидаяще клубилась, будто неуверенная, что на упрямую девчонку стоит тратить время. Затем туман принялся скручиваться в спирали.

«Хорошо. Ответ на вопрос: что ценного есть в человеке?»

Марика хотела было по привычке раздраженно фыркнуть, но тут же опомнилась и угомонила себя – она ведь обещала слушать и думать. Если не поможет зеркало, тогда не поможет никто.

– В человеке? Наверное, интеллект.

«А что есть интеллект?»

– Способность мыслить, действовать.

«Тепло».

– Думать, решать, говорить...

«Еще».

– Чувствовать, осознавать.

«Горячо».

Марика тяжело вздохнула: использование собственного интеллекта давалось нелегко – сил на мыслительный процесс не осталось, но она честно постаралась собраться. Нахмурила лоб, вновь погрузилась в размышления.

– Что же в нас есть ценного? Да, мы можем мыслить, анализировать, чувствовать, заботиться, общаться при помощи слов, выражать эмоции, углубляться в изучение чего-либо, желать. Хотя животные тоже могут желать, так ведь? Но мы идем глубже, стараемся проникнуть в суть вещей, научиться работать и взаимодействовать с ними.

«Верно. А что связывает Человека и Небо?»

Она на мгновение опешила.

– Не знаю... Ничего?

Зеркало молчало, ждало иного ответа.

Пришлось раскрутить переохлажденные мозговые шестеренки с новой силой.

– Невидимая нить? Незримая связь?

«Близко».

– Сны? Мысленные просьбы? Вера? Молитва?

Молитва.

Стоило произнести последнее слово, как что-то щелкнуло в голове, и недостающая деталь плавно встала на свое место.

– Ну конечно... Это не полумесяцы, касающиеся друг друга, – это сложенные в молитве ладони. Как же я сама... Спасибо тебе!

Поцелованное зеркало тут же отправилось обратно в рюкзак.

* * *

– Дорогой тотем! – звучало глупо, но как-то надо было начать. – Я не умею правильно молиться, но я попробую, ладно? Не обижайся, если выйдет коряво, как сумею.

Стоя коленями на снегу, Марика закрыла глаза, втянула воздух и прижала ладони друг к другу.

Когда люди обращаются к небу, что они говорят? Просят о чем-то, благодарят...

– Дорогой тотем, я прошу тебя о помощи. Придя на этот Уровень, я думала, будет легко... ну, по крайней мере легче, а оказалось наоборот. Каждый шаг дается мне с трудом, но я стараюсь. Правда стараюсь.

Казалось, к ее шепоту в этот момент прислушался сам лес. Лес и небо над головой. Марика боялась открывать глаза; отчего-то снова взволнованно заколотилось сердце. Возникло ощущение важности момента.

– Я не всегда могу сразу понять, что именно от меня требуется, хоть и слежу за знаками, пытаюсь анализировать. Если бы ты... вы все восемь смогли мне немножко помочь, я была бы вам очень признательна...

Показалось или нет, но гул усилился; за закрытыми веками сделалось светлее. Казалось, теперь ее шепот, срывающийся с губ, разносился по всей Вселенной.

– ...За любую помощь, пусть даже за самую маленькую. Может, за подсказку, за понимание, как и куда двигаться дальше, что делать. Я здесь совсем одна, и я запуталась. Пожалуйста, помогите мне.

Немного подумав, она мысленно добавила «спасибо!» и медленно, опасаясь увидеть отсутствие результата, открыла глаза.

Прямо на нее из центра статуи светил белый луч – последний недостающий луч; глаза тотема горели.

– Спасибо! – Марика от благодарности едва не рухнула в снег, – согнулась в поклоне и запричитала: – Спасибо! Спасибо! Спасибо!

А как только поднялась с колен и отодвинулась в сторону, луч протянулся туда, где его поджидали остальные, – точно к центру опушки. Стоило ему и семи разноцветным собратьям коснуться друг друга, как тотемы одновременно вспыхнули, а вокруг раздалось красивое глубокое звучание аккорда.

От торжества, что в этот момент затопило Марику с ног до головы, сердце забилось где-то в горле, а на глаза набежали слезы. Бархатистый звук невидимого инструмента длился всего лишь несколько секунд, а когда оборвался, тотемы и лучи одновременно погасли.

На месте их соприкосновения что-то лежало – какой-то предмет или предметы.

Марика бросилась вперед.

* * *

Девушка двигалась более плавно, ее руки описывали дуги и полукружия, таз медленно следовал за невидимой горизонтальной осью. Несмотря на плотные штаны и полушубок, Майкл хорошо отслеживал его волновую динамику.

Молодец, хорошее погружение.

Движения мужчины выглядели скорее отрывистыми, нежели последовательными: то упадет на одно колено, то провернется вокруг себя, то вскинет руки подобно птице, то замрет, чтобы через секунду вновь начать странный, почти неуклюжий танец.

– Том, не открывай глаз, отпусти тело, позволь ему двигаться самому. Волна, что течет через тебя, укажет и направление, и движение.

Парень с упавшей на глаза челкой кивнул.

Неподалеку от вытопанной в снегу площадки наблюдал за людьми оранжевыми всполохами, потрескиванием и тихим свистящим шипением высокий, сложенный из веток костер.

До конца занятия осталось тридцать минут. Морэн посмотрел на усыпанное звездами небо и подумал о теплом деревянном коттедже, стоящем у кромки леса, где сейчас прогорали в камине угли, висела за окном заиндевевшая сетка с продуктами и ждала теплая постель. Может, найдется время почитать перед сном.

Выждав еще несколько минут, он скомандовал:

– Хорошо. С ощущением пространства мы поработали. А теперь почувствуйте себя лесом, – размеренно двигавшиеся по поляне ученики замерли. – Станьте не просто деревом, но множеством деревьев, ощутите, как энергия течет от земли через ваши стопы, поднимается выше, ветвится в мощных стволах, распределяется в кронах, тянется вверх, уходит и соприкасается с небом. Почувствуйте покой, размеренность и баланс. Мыслей нет, есть чувства – тишина, вечность, отсутствие времени...

Агнес, подняв лицо, замерла неподалеку от Тома; в ее глазах играли отсветы пламени. Внешне – человек, внутренне – нет. Руки, воздетые над головой, едва заметно покачивались, будто в невидимых тяжелых ветвях запутался ветер.

– Энергия леса строит, наполняет жизнью, умиротворяет и очищает. Она мощна в первозданной красоте и вечна. Ваша структура приобретает другие свойства, трансформируется: соприкасаясь корнями с землей, вы напитываетесь ее мудростью, пропуская через себя, учитесь воспринимать тончайшие ее колебания, невидимые и неуловимые человеческим телом. Дерево не только проводит энергию, но и аккумулирует ее...

Пока Морэн говорил, в его сумке тихо пикнул планшет. На карте напротив имени «Марика Леви» возникла новая надпись: «Поляна Идолов: пройдено».

* * *

Нажмешь на кнопку – палатка разложится, нажмешь еще раз – вновь превратится в плоский тканевый прямоугольник, удобный для носки в рюкзаке. На ощупь – ни шнурков, ни стоек, ни алюминиевого каркаса, а домик получается хоть куда. На воздушной подушке да еще и с тонким одеялом внутри. Воистину магическая вещь.

Марика не стала разбираться, как именно это работает; для полного счастья ей хватило лишь осознания, что эту ночь она все-таки проведет не на снегу. Свернув и развернув палатку несколько раз (соблазн полюбоваться автономным чудом был непреодолим), она отнесла ее под дерево, стоящее у самой кромки леса, нажала на заветную кнопку – вжи-и-их, и домик готов! – и забралась внутрь.

Какое-то время сидела внутри, застегнув полог, прислушиваясь к собственным ощущениям – холодно или нет? Зад, покачивающийся на воздушном матрасе, вроде бы не мерз, ладони тоже начали отогреваться. Убедившись, что внутри явно теплее, чем снаружи, она с непередаваемым наслаждением стянула сапоги, а через несколько минут и носки, чтобы заменить их сухими. Когда начала потеть спина (ух ты, очень тепло!), сняла толстовку, расстелила ее поверх матраса, легла и укрылась тонким одеялом, подложив под голову рюкзак.

Да, не так комфортно, как дома, но куда лучше, чем в снежном гроте.

Пять минут спустя из-под сосны, молчаливо наблюдающей за стоящими по кругу притихшими тотемами, в звуки ночи вплелось тихое похрапывание.

«Утомившись от бессмыслия, люди должны идти по Ветру...»

– По Ветру? О чем ты говоришь?

«Идти по Ветру – означает ощущать Поток, дующий тебе в спину и указывающий направление».

– Не понимаю тебя.

«Когда человек становится готов к изменениям, он призывает Ветер. И тот приходит, чтобы помочь».

– Это какой-то особенный Ветер? Ведь ты же говоришь не об обычном атмосферном явлении?

«Да. Ветер, который указывает туда, где находится искомое человеком. Чтобы слышать Ветер, нужно слышать сердце. Чтобы слышать сердце, нужно усмирить разум. Чтобы усмирить разум... как ты думаешь, что нужно, чтобы усмирить разум?»

Зеркало являлось единственным источником света. Проснувшись посреди ночи, Марика читала его как электронную книгу. Вещи, что она получила наряду с палаткой в дар от тотемов, лежали рядом, их ценность и назначение куда проще будет определить утром.

Хотелось в туалет, но Марика оттягивала выход наружу: намерзлась за день. Внутри хорошо, уютно и тепло – все-таки чудесным предметом наградили идола, – а вылезешь по нужде – и снова заиндевеешь. Вот она и тянула время. Слепо уставившись в темный потолок, подумала о доме, жизни, Ричарде, работе, прошедшем дне... Затем достала зеркало – единственного доступного собеседника, – и теперь раздумывала над последним заданным вопросом.

– Чтобы усмирить разум? Не знаю... Тишина? Нет, глупо. Страхи и глупость не уходят в тишине. Сила? Воля? Особенное умение?

«Разум – как зверь: подчиняется тому, кто не боится. Кто не волнуется, кто спокоен».

– Понятно.

Равнодушная усталость сменилась искрой интереса. Марика пошевелилась под одеялом, провела ногтем по слегка прогнувшемуся пологу; странная тема, необычный маленький домик, скрип веток снаружи и звук собственного дыхания внутри. Ну и ночь. Спать бы, ведь день выдался длинным, да не спится. Нужно прекращать читать, выбираться по нужде да вновь укладываться, чтобы к утру набраться сил. Все же не удержалась – перечитала последнюю фразу и с любопытством спросила:

– А как призывают Ветер?

Зеркало, вероятно, тоже соскучившееся по диалогу, великодушно пояснило:

«Ветер приходит тогда, когда человек зовет в жизнь перемены. В такой момент зовущий заявляет о том, что готов к испытаниям, к проверке внутренней страсти. Большинство никогда не станут готовы, ибо негоже испытывать то, что хрупко, ломко или гнило».

– Получается, я тоже призвала в жизнь Ветер, раз теперь здесь?

«Ты уже знаешь ответ на этот вопрос».

– Да знаю, знаю...

Марика зевнула, отложила зеркало в сторону и потерла глаза.

– Слушай, а радио в тебя не встроено? Хоть какое-то развлечение было бы. Или, например, будильник?

Даже не глядя на поверхность, можно было сказать, что зеркало обиделось и затянуло буквы туманом – палатка потонула во мраке.

Какой обидчивый предмет, надо же... С характером. Кольнуло секундное чувство вины.

– Не дуйся. Просто иногда я устаю от философии, которой ты пичкаешь. Ни тебе книг на выбор почитать, ни новостной ленты, одни загадки и мудреные фразы, а голова ночью, знаешь ли, и так не варит.

Поверхность светлее не стала; спасибо, зеркало хоть не фыркнуло в ответ. Может, и хорошо, что голосовая функция не встроена, а то бы наслушалась нравоучений и упреков.

Марика вздохнула, села, качнулась на воздушном матрасе и принялась натягивать сапоги.

Ночь сияла мириадами звезд.

Казалось, их были миллионы – белых, желтоватых и голубых светящихся точек, украсивших черный небосвод. Тихо, морозно, завораживающе красиво.

Чернел стеной лес. В эту минуту ни шороха, ни скрипа, лишь темные стволы и белая снежная вата на ветвях. Дремали, отбрасывая на поляну тени, деревянные идолы; их глазницы смотрели куда-то вдаль, туда, куда не мог проникнуть человеческий взгляд.

Порождение Магии. Весь пейзаж вокруг – порождение странного Уровня.

Многие ли знали о его существовании? Или лишь те, кто по случайности, как и она, Марика, призвали тот самый, упомянутый зеркалом Ветер?

Перемены. Будь им неладно.

Успокой сердце, умири разум...

Прежде чем вернуться в палатку, она какое-то время стояла, чувствуя покалывание на щеках, смотрела в ночное небо – такое далекое и глубокое, что делалось торжественно и почему-то одиноко, – и думала о переменах.

Казалось бы, один день, а что-то изменилось внутри. Каждый шаг приходилось преодолевать со сжатыми зубами, на последнем издыхании, выжимая из тела скрытые резервы, заставляя разум дымиться от нагрузки, но все это, как ни странно, приносило скрытое удовлетворение. Она шла и чувствовала движение. Делала шаг и ощущала отдачу. Достигала чего-то и радовалась, как не радовалась уже давно, очень давно.

Наверное, слишком давно.

Кто бы сказал, что от наличия какого-то тесного тента можно стать по-идиотски счастливым, и Марика первая бы рассмеялась ему в лицо. А теперь, ощущая под пальцами тугую ткань, радовалась и благодарила: пусть робко, неумело, чуть корыстно, но все же благодарила за подаренное укрытие от мороза.

Домик. Собственный домик. Заслуженный, теплый, портативный, а главное – свой. А ведь еще день назад, скажи ей кто-нибудь про палатку...

Не смешно. И это при наличии роскошных апартаментов.

«Куда почему-то пока не хочется возвращаться...»

Эта предательская мысль заставила поежиться.

Стоя под звездным небом на снежной поляне, Марика будто раздвоилась.

Одна ее часть взбрыкивала строптивой кобылой: в жизни важны только деньги и комфорт! Признание – вот что есть великое достижение, плата за кропотливые труды.

А другая – обычная девчонка – не хотела даже поворачиваться в ту сторону. Вот бы здесь стоять долго-долго, где жизнь медленно и верно обретает смысл, где нет гонки за титулами, где никто не судит по медалям на груди, где у каждого есть шанс сделать что-то по-настоящему важное. Проявить себя, оглядеться вокруг, расслабиться и осознать, что нет ничего ценнее, чем просто жизнь. Тот самый момент, что протекает, пока ты шагаешь по узким и путаным тропкам, мокнешь под дождем, смотришь на скопившиеся на горизонте облака, купаешься в закатном свете солнца и ощущаешь в сердце прикосновение неба.

Странно все это. Запутанно. Почему ты хочешь чего-то и вроде бы не хочешь этого? Где смысл?

Почувствовав, что замерзает, Марика откинула полог и нырнула в теплое нутро палатки.

– Привет. Я вернулась.

Взвизгнул застегиваемый замок; запорошенные снегом сапоги отправились в угол, толстовка – под спину.

Зеркало все еще обиженно клубилось мутью.

Марика улеглась, устроилась поудобнее и взяла его в руки.

– Такое мудрое, а дуешься. Не стыдно? Ты же само пример подаешь, рассказываешь, как надо жить, тебе сам Создатель велел быть умнее тех, кого ты ведешь.

Туман на секунду замер, будто раздумывая над сказанным, затем снова принялся слиться. Да уж, дуться так дуться. Знакомо.

– Подумаешь, про радио спросила. Тоже мне повод...

Отложив капризного «помощника» в сторону, Марика перевернулась на бок и натянула одеяло до самого носа. Прикрыла глаза, пошевелила пальцами в толстых носках – непривычное ощущение – спать экипированной – и постаралась успокоить дыхание.

Все. Спать. Иначе проворочается до утра, а там неизвестно, что приготовит новый день. Еду бы найти да с тотемными «подарками» разобраться. Авось еще с чем-нибудь повезет, как с палаткой.

Через несколько минут она сонно пробормотала:

– Спокойной ночи, зеркало. И можешь не отвечать. Я знаю, что ты мне тоже желаешь хороших снов.

Когда из-под одеяла раздалось размеренное сопение, туман наконец прекратил раздраженно клубиться, застыл сплошной недвижимой дымкой, а еще через минуту поверхность полностью погасла.

Глава 5

Долину, лежащую между горами, заливал ясный утренний свет; там, внизу, под солнцем искрилась лента реки, зеленели верхушки деревьев, воздух пропитался невидимыми искорками. Живописный вид с настенного плаката, наполненный радостью мягкого утра, когда под синевой неба хочется дышать полной грудью, а от нового дня ждешь чего-то воистину чудесного.

Какое-то время Марика, сидя на вновь найденной тропке по другую сторону горного кряжа, впитывала тишину момента: блестел под лучами снег, трепыхались на ветках куста пожухшие прошлогодние листочки – интересно, здесь, на этом Уровне, меняются сезоны? – солнце пригревало макушку ласковой рукой.

Чистейший кристальный воздух гор и застывшая жизнь.

Залюбовавшись раскинувшейся перед глазами картиной, затихли и мысли, приостановили кружение, взяли за руки, подобно добрым друзьям, прижались друг к другу и с восторгом музы созерцали творение природы-художника.

Как хорошо и спокойно. Никуда не нужно бежать, торопиться, отвечать на телефонные звонки, слушать бесконечный автомобильный гул под окнами. Не нужно писать, править, редактировать, что-то выдумывать, кружить по дому, тужиться в поисках идей, не нужно выдавливать из себя вдохновение. Вообще ничего не нужно. Потому что вокруг попросту никого, и никто от тебя ничего не ждет.

Спасибо, Создатель, за этот момент.

Проснувшись довольно рано, Марика успела отряхнуть и сложить палатку, позавтракать оставшимися плодами, сорванными с дерева, напиться талого снега и изучить другие предметы, доставшиеся от тотемов.

Среди них нашелся небольшой, размером с большую кофейную кружку котелок (пустой) с плотно прилегающей крышкой и чистой ложкой (зачем, если котелок пустой?), пустая фляжка для воды и самый ценный, по мнению Марики, предмет – карта: сложенный вчетверо кусок не то плотной бумаги, не то пергамента со множеством тщательно прорисованных символов. Тончайшими линиями здесь был отмечен горный кряж, изображены восемь палочек посреди леса – тотемы, непонятные не то воронки, не то фонтаны и места, которым вообще не находилось названия: мосты, пещеры, реки, пучковатые схематичные заросли.

Неподалеку от тотемов на карте мигала желтым точка (прикосновение пальцем никак не влияло на ее пульсацию), и стоило Марике понять, что эта самая точка, подобно спутниковому навигатору, отмечает текущее местоположение, как лес сотряс радостный визг. Наконец-то! Наконец-то! Да, не красная ковровая дорожка, но все-таки навигатор, второй настоящий подарок после палатки! Бесценный подарок, просто находка.

В противоположном конце карты был изображен некий кристалл, похожий на многогранный пилон, – наверное, конечная точка пути, куда и следовало принести семечки.

Прежде чем сложить карту в рюкзак, Марика долго и внимательно изучала ее. Конечно, многое осталось непонятным, но что-то все же прояснилось. Если сегодня она найдет воду и еду, жить станет веселее.

Решив, что пора трогаться в путь, Марика упаковала вещи и бодро зашагала по снегу.

Дорога вилась под уклон, все чаще стали мелькать по сторонам прогалины. Чем ниже, тем теплее; снег таял. Радостно звенела капель, на ветках, греясь в лучах солнца, курлыкали птицы, щебетали о чем-то своем, провожая гостью глазами-бусинами.

Она старалась держать приличную скорость, разглядывала окрестности и время от времени сверялась с картой. Справа плыл обрамляющий гору лес, слева – овраг с далекой лентой реки внизу; по краям дороги, там, где стоял снег, начали пробиваться пучки приятной глазу

сочной зеленой травы. Вокруг дрожала, поблескивала талыми сосульками, звенела весна, радуя душу.

Поскрипывали подошвы, взгляд то и дело перемещался с тропки на живописный вид слева, радостно струились мысли.

Первое семечко принесет деньги. Много денег. Может, если совесть не всколыхнется при раскрывшей пасть жадности, Марика попросит миллионов десять: такой суммы хватит и на новую машину, и на гардероб, и на приятные мелочи. Благо, квартира и так хороша, можно не менять.

Второе семечко на карьере. Тут надо брать не ниже директорского поста или даже создать свой новый телевизионный канал; слава Создателю, опыта хватит; да, работы много, суматоха, круговорот дел, бумаг, сотрудников, подписей, но овчинка стоит выделки. Имя Марики Леви сразу же попадет в высшие круги и прочно там закрепится. А дальше слава, еще больше денег, узнаваемость, успех – именно то, к чему она так стремилась. Никакой скуки, новые уважаемые знакомые, дорогие курорты, обслуживание в зонах для особо важных гостей, негласное поклонение. Красота!

Семечко номер три – здоровье. Пусть оно всегда будет крепким, а тело не подтачивают болезни. Только попал вирус в организм и – хоп! – магическим образом из него вылетел. Ни тебе упадка сил, ни отсутствия бодрости, вечно хорошее настроение, боевой настрой, азарт и вкус к жизни. Отличное желание, очень хорошее.

За четвертое семечко она попросит нового мужчину. Не спесивого барана, как Ричард, с кучей принципов, закидонов и требований, а кого-то другого: понимающего, сильного и нежного, привлекательного внешне и веселого по характеру. Умного, но не заносчивого, амбициозного, но не заядлого карьериста, пусть имеет схожие интересы, вкусы и пристрастия. И пусть любит только ее, Марику, всем сердцем, всей душой.

При мыслях о собственных желаниях внутри делалось светло и радостно. Да, поход не обещает быть легким, но преодоление препятствий стоит достижения новых вершин. Еще немного, и жизнь станет просто замечательной.

Шагать вперед и не бояться – это все, что пока требуется.

* * *

Поток света исходил прямо из земли. Почва, откуда бил широкий, едва заметный глазу луч, полностью оттаяла и была покрыта ровной травяной подстилкой, которая манила присесть. Пушистая площадка для отдыха, теплая и притягательная.

Марика застыла перед ней в нерешительности.

Зачем она свернула сюда с намеченного пути и снова углубилась в чашу? Одержало верх неумное любопытство: хотелось узнать, что означает символ фонтана, отмеченный на карте неподалеку от тропы.

Что ж, пришла, увидела.

Желтоватый свет поднимался вверх равномерно и беззвучно. Небольшую поляну окружали могучие раскидистые сосны; солнце пробивалось сквозь плотное переплетение ветвей, заставляя подтаявший снег искриться.

Для чего предназначен подобный луч – новое испытание? Но ведь кто-то другой мог пройти мимо, не свернуть – следовать напрямую к пилону. Поэтому для ловушки место крайне неудачное, и, значит, это не она.

Марика осторожно провела рукой по световому потоку: теплый. Сбросила с плеч рюкзак и медленно сошла со снега на травяную подушку. Она просто отдохнет здесь, посидит несколько минут на теплой земле и двинется дальше. Если получится – поймет, для чего предназначен «фонтан», а нет – так нет.

Сознание плыло и растекалось.

Сидеть было на удивление приятно, тело впитывало тепло, расслаблялось, становилось легким и тяжелым одновременно. Марике казалось, что она пребывает не здесь, в лесу, а где-то еще: в странной субстанции между измерениями, с разумом, отделившимся от физической оболочки. Ей виделись то горы, покрытые шапками снега, то орел, сидящий на верхушке высокой ели. В какой-то момент его глаза стали ее глазами, руки вытянулись, трансформировались в крылья, захотелось вдруг рвануть в бескрайнюю синеву, чтобы ловить легкими трепещущими перьями воздушные струи. Странное желание, нечеловеческое.

Затем орел пропал, исчезло и ощущение кожистых цепких лап, держащихся за покачивающуюся еловую ветку; сознание поплыло дальше. Откуда-то приходило и мягко ускользало понимание отдельных процессов мироустройства: она ощущала себя то тяжелым каменистым кряжем, вросшим в земную поверхность, то облаком, скользящим к горизонту, то вдруг видела переплетение странных узоров на фоне сплошной черноты. За ними хотелось следовать, следовать, следовать... Узоры манили глубиной и знанием, тем знанием, что каждый рвется отыскать, но далеко не каждый находит. Через несколько секунд из отдельных линий сложился образ котелка – того самого, что лежал в рюкзаке, и Марика неожиданно поняла (вот так, по щелчку пальцев), что именно нужно с ним делать и как; просто увидела, почувствовала, впитала информацию из ниоткуда. И чтобы знание не стерлось, не ушло в небытие, чтобы новая картинка не затмила его, она усилием воли вырвала разум из размягчающего потока, открыла глаза и заставила разомлевшее тело выползти из круга.

Зашуршала толстовка; руки утонули в снегу и тут же замерзли.

Марика оттолкнулась от земли пятками, выпрямилась, пытаясь успокоить скачущие и одновременно тягучие мысли, и отыскала глазами рюкзак. Кровь наполнилась возбуждением: правильно она увидела или нет? Просто и сложно одновременно; надо срочно попробовать, пока хитрая память держит детали...

На дне котелка действительно присутствовал спиралевидный рисунок, который во время сидения в «луче» отчетливо увидело сознание и который глаза упустили раньше. Марика отложила крышку, сунула руку внутрь, приложила к центру завитка большой палец и нахмурилась, силясь припомнить слова. Затем прошептала:

– Дорогой котелок! Спасибо тебе за пищу, что принесет мне насыщение и радость, наполнит тело бодростью и здоровьем, даст энергию и силы, чтобы двигаться дальше. В обмен на твой дар я дарю тебе свой – благодарность. Пожалуйста, прими ее, она искренняя и от всей души.

Лес вокруг вновь прислушался.

В какой-то момент тонкие, почти невидимые линии на дне котелка потеплели и налились оранжевым светом от центра к краю – теперь спираль отчетливо светилась. Марика с колотящимся сердцем вытащила руку, накрыла котелок крышкой, затем приложила указательный и средний палец сначала ко лбу, затем к груди и медленно поклонилась.

Получится или нет? Что за странный ритуал она увидела, пока сидела с закрытыми глазами? Сработает или нет? Может, то была галлюцинация?

Котелок отчетливо темнел на фоне снежного покрова; на крышку падал солнечный луч. В который раз за все время, проведенное на этом Уровне, Марикой накрыло ощущение сюрреалистичности. Сначала она молилась тотему, теперь котелку... Ведет себя, словно наглоталась наркотиков; спасибо, хоть никто этого не видит.

Интересно, а результата долго ждать?..

Выдержки хватило на минуту, потом рука сама потянулась к котелку; пальцы сомкнулись вокруг горячего круглого ушка, приделанного сверху.

Ее любимый завтрак мог состоять из фруктового салата с вишневым йогуртом, или хрустящей свежей выпечки, или блинов с ягодным сиропом, или булочек с корицей. Редко когда из яичницы, мюслей или тостов.

Но уж точно не из овсяной каши.

Изумительно вкусной овсяной каши: свежей, сладковатой, наваристой, с кусочком сливочного масла, растекшимся по поверхности.

Марика не съела – заглотила ее за полминуты, чисто вылизала ложку, на которую удивленно воззрилась, все еще не в силах поверить, что котелок в ответ на просьбу из ниоткуда сотворил еду, затем перевела взгляд на комковатые остатки на дне и сыто выдохнула.

А жизнь-то наладилась! Если есть еда и питье, она сможет пойти куда угодно. Тем более пока все вроде бы дается более-менее легко. Подумаешь, попроси. Ведь не заплати...

Чувствуя, как в теле возрождаются силы, она принялась чистить котелок снегом.

* * *

Сначала они сравнивали карты и дивились тому, что символы и отметки не совпадали. По-видимому, Уровень выдавал каждому индивидуальный путь прохождения. Потом звали ее подсесть и пообщаться. Марика молча покачала головой и отвернулась. (Дура она, что ли, выдавать свои секреты и являть чужим глазам подарки тотемов?) После ее отказа принялись болтать о разном.

Их было трое: старого знакомого деда она встречала уже дважды, других – толстого розовощекого Рона и мужчину среднего возраста с узким лицом, покрытым оспинами, – Тэрри – увидела впервые.

Первая встреча с путниками (старик не в счет) и возникшая внутри опаска: стоит ли сближаться? Вдруг попробуют что-нибудь выведать или отнять? Лучше быть начеку и держать язык за зубами; стать милой она всегда успеет.

К полудню стало жарко. Горы все ниже, снега все меньше. На вытопанной опушке пахло прелой прогретой солнцем хвоей; справа звенел невидимый ручей. Насекомых прибавилось; теплая кора поваленных высушенных стволов приятно грела зад.

С бревна напротив доносились голоса.

– Ну, дед-то понятно: зрение хочет вернуть. – Тэрри произносил слова отрывисто и резко – странная манера говорить. – Ну а ты, молодой, лучше бы перестал в «Жареную курочку» ходить и купил абонемент в спортзал.

Толстый обиженно засопел.

– Думаешь, я не пробовал?

– А с чего ты решил, что твоя Люси полюбит тебя худого?

– Ну... я видел, как она на подтянутых смотрит. Так у меня хоть шанс появится... А ты с чего решил, что сто тысяч уберегут твой бизнес от банкротства? – не удержался и воткнул ответную шпильку Рон. – Тут, знаешь ли, не только инвестиции, но и мозги нужны.

Теперь набычился Тэрри. Отвернулся, замолчал, раздраженным жестом смахнул присевшую на лоб муху.

«Низкого полета люди, – вяло подумала Марика. – Один ленится перестать жрать, другой не умеет деньги в руках удержать. Такому хоть сто, хоть миллион – все равно уплывут... Зато понятно, зачем сюда пришел дед. Вот только дойдет ли...»

Она поднялась, отыскала в рюкзаке флягу и направилась к ручью.

Светло-голубые глаза Рона внимательно провожали стройную женскую фигуру. Теперь, когда незнакомка скинула толстовку, стали видны приятные глазу округлые формы. Черные вьющиеся волосы, стянутые на затылке в хвост, кофейного цвета глаза, нежно очерченный рот

– все это он сумел разглядеть в тот короткий момент, когда она подошла, чтобы взглянуть на их карты и спросить про спички.

– Красивая какая, – не удержался, все-таки высказал свое мнение вслух, хотя собирался оставить его при себе.

Тэрри не ответил, занятый копанием в рюкзаке, а до того молчавший дед покачал головой.

– Злая красота – уже не красота.

– Ну да, вредная. Да все они такие...

Рон вновь тяжело вздохнул, перевел взгляд на собственные пухлые руки, а затем с застывшим на лице отвращением отвернулся от них.

* * *

– Да что же это за Уровень такой? Столько разных предметов, столько мест непонятого предназначения. Тут, чтобы разобраться, нужно жить годами: рыскать по тропкам, спать в палатке и часами сидеть в этих пресловутых фонтанах! Ага, посидишь в одном таком, а потом два часа рыдаешь!

Поверхность зеркала блеснула в лучах солнца; при свете дня буквы читались плохо. Марика вытерла слезы и вгляделась в текст:

«Ты сама выбираешь Путь».

– Да ничего я не выбираю! Неужели не видно? Я вообще не знаю, куда иду!

«Ты идешь по пути собственного предназначения».

– А в чем оно? В чем оно заключается?

«В том, чтобы постичь самого себя».

– А-а-а!.. Всегда одно и то же! Ответы без ответов, ну сколько можно?

Марика раздраженно сунула зеркало в рюкзак, добрела до ближайшего пня, устало опустила на него и вновь закрыла лицо руками. Слезы не унимались, лились бесконечным потоком помимо всякой воли.

Зачем она решила изведать второй фонтан? На этот раз белый, с разноцветными искорками в потоке, зачем присела в нем? И что так сильно впоследствии выбило ее из колеи?

Когда компания из троих мужчин осталась позади, Марика сначала следовала выбранной стратегии – двигаться напрямую к пилону. Никаких поворотов и никаких новых открытий. Еда и вода есть, настроение отличное, зачем наживать на пятую точку приключений? Выдержки хватило на час, затем в борьбу снова вступило любопытство: а что за второй источник находится справа? Почему бы не взглянуть одним глазком, ведь к дороге близко, время есть...

А дальше была другая поляна и другой поток света, только поток странный, не похожий на предыдущий. Стоило очутиться в нем, как мир – нет, не сам мир, скорее, отношение к нему – начал стремительно меняться, и Марика ненадолго, всего лишь на мгновение (которого, как оказалось, хватило с лихвой) вдруг ощутила себя его Создателем.

Это ее Мир, ее Уровни! Это она с нежностью слепила людей, землю, растительность, это она вдохнула в них жизнь и разнообразила ее чувствами и оттенками. Это она сделала так, чтобы вокруг разливалось счастье, покой и умиротворение. Это она будет любить все и всех даже тогда, когда ее творения обретут собственную волю, начнут жить, учиться, оступаться... Они – следствие ее божественного вдохновения, они ее все.

Стоило Марике сообразить, что это ее (не чей-то еще, а именно ЕЕ!) мозг принялся размышлять подобным образом, и она ошпаренной кошкой вылетела из фонтана. Только поздно. Теперь она любила все подряд: землю, по которой шагала, веточки кустов и свернутые зеленые листики на них, маленькие тонкие сосновые иголки и разлапистые шишки под ногами.

Любила синеву неба и мягкую прозрачность воздуха, любила теплые лучи солнца и пронизывающую все окружающую реальность энергию.

А любя, плакала.

Ей бесконечно сильно хотелось обнять мир руками, руками длинными и ласковыми, наполненными золотым сиянием. Подарить ему частичку гармонии и нежности, сказать, что она здесь, что она не забыла, что она рядом...

Рядом с кем? С чем?

С тем, что создала...

И она принималась рыдать вновь. Напитывалась теплотой порывов ветра, слушала шепот травы у камней, искрилась вместе со снегом, жаждала объять, подарить, наполнить каждую частичку бытия. Она – Создатель. Она та, кто сотворил эту реальность и теперь будет любить ее всегда. Она – мир, а мир – это она.

Следующие два часа Марика боролась с собственным раздвоением сознания. Логика шипела: «Образумься, протрезвей! Ты ничего из этого не создавала!», а сердце разрывалось от чувств. Белый поток с разноцветными искорками хотелось то проклинать, то боготворить. Наглотайся она наркотиков или выкури травяную самокрутку, едва ли бы чувствовала себя столь же странно: временами паршиво, временами восхитительно. И единственное, в чем обе части разделившегося разума были уверены, так это в том, что ей срочно требуется кто-то, кто смог бы разъяснить происходящее. Рассказать о фонтанах, об их воздействии на разум, о том, зачем они вообще существуют на Магии.

Вот только кто?

О самостоятельном постижении речи больше идти не могло: так присядешь в еще один поток, и крыша уедет окончательно. Вдруг ей вообще не захочется уходить, и она станет лесовиком, желающим провести остаток жизни среди гор? Или же вообще не очнется в добром здравии. А то, понимаешь, сначала орлом станешь на ветке, потом облаком или вовсе бесконтрольно плачешь часами после очередного эксперимента...

Икнув, Марика достала флягу, вытерла мокрые щеки и глотнула воды. Затем оглядела лес, вновь пропиталась странным чувством единения и извлекла из рюкзака зеркало.

– Мне нужна помощь, нужен чей-то совет, слышишь? Но я не знаю, кого спросить... Ведь тут нет никого. А сама я скоро рехнусь, пытаюсь разобраться, что для чего.

Поверхность неторопливо клубилась туманом – слова появляться не спешили.

– Я даже готова поделиться чем-нибудь взамен. Готова заплатить... или... ну, чем-то пожертвовать, лишь бы мне объяснили.

Теперь, когда солнце пересекло наивысшую точку и начало клониться к западу, на Марику нахлынуло чувство одиночества; отчего-то не хотелось терять то ощущение любви к миру, с которым она потихоньку, сама того не замечая, начала свыкаться. Но нежность и ласковость, час назад царившая в душе, соскальзывала с пальцев капельками воды. Веточки потихоньку становились просто веточками, легкие порывы ветерка – прохладным сквозняком, снег – слежавшимся скользким настом, намозолившим подошвы. Даже небо не радовало глаз.

Мелькнула безумная мысль: а не вернуться ли вновь к белому фонтану, чтобы перенаполниться сиянием, и Марика резко, чтобы не соблазниться, оттринула ее.

Ну нет. Так станешь наркоманом, не способным выжить без допинга. Может, как раз в этом и кроется ловушка?

Поверхность зеркала, до того лучающаяся спокойствием пруда в безветренный день, вдруг колыхнулась, сформировав вопрос:

«Значит, готова что-то предложить взамен?»

Марика, потонувшая в собственных раздумьях, не сразу сориентировалась, о чем речь. Затем уверенно кивнула.

– Да, готова.

Желание понять, как и для чего работают «фонтаны», потихоньку сделалось тягуче-невыносимым. Почти наваждением.

«Хорошо. Способный дать ответы скоро пересечет твой путь. Сумей увидеть и сумей не упустить».

– Я попробую, – около минуты она задумчиво смотрела на серые клубы, в котором растворились буквы, затем добавила: – Спасибо, что предупредило.

Зеркало не ответило.

Марика сунула его в передний кармашек рюкзака и, параллельно прокручивая подзабывшийся в голове текст «молитвы», достала котелок.

* * *

Он, вероятно, пришел на запах – небольшого размера пятнистый дикий кот – и теперь сидел на окраине поляны, у соснового ствола, поглядывая на Марику с настороженностью и любопытством.

До этого момента она не встречала здесь животных (птицы не в счет) – ни хищников, ни грызунов – и даже позволила себе испытать облегчение от их отсутствия, потому что боялась встретиться с кем бы то ни было лицом к лицу. Все-таки лес. Дикая лес. И ни ножа, ни палки.

А теперь вот кот. Рыжеватый, с непропорционально длинными ушами и близко посаженными внимательными желтыми глазами. Симпатичный. Был бы...

Если бы Марика его не боялась.

Мясная похлебка, наваренная котелком, медленно остывала; ложка в пальцах застыла. Человеческие глаза смотрели в кошачьи, и неизвестно, в чьих застыла большая напряженность.

Хищник или нет? Судя по пасти – хищник и даже чем-то похож на гиену, хоть и кот. Раза в полтора больше домашних особей, что иногда встречались в квартирах знакомых. Голодный? Наверняка, раз смотрит так пристально. Лишь бы не за ногу, лишь бы не кинулся...

Тревожно и тяжело колотилось сердце; кот изредка подергивал ухом.

Когда Марика продолжила есть, пушистый гость облизнулся; глаза его сделались грустными.

Значит, голодный.

Несколько минут спустя, закончив трапезу, Марика осторожно приложила палец к промасленному после похлебки дну и сбивчиво зашептала:

– Дорогой котелок! Спасибо тебе за еду для этого животного, какой бы она ни была. Пусть ему будет сытно и вкусно, пусть уберезет его от холода и наполнит бодростью. Спасибо тебе за помощь с этим, хоть я и понимаю, что просить на отряд, наверное, невежливо...

Осторожно накрыв посудину крышкой, она приложила пальцы, как учили – сначала ко лбу, затем к сердцу, – и поклонилась.

А после достала из котелка кусок сырого мяса, который оставила на том месте, где сидела.

Уходя, Марика напряженно размышляла о том, стерильно ли будет после такого питаться из котелка самой.

Но выбора не было.

Пусть зверь будет сытым, а она – целой. Этот Уровень, как ни один другой, учил быстро и правильно расставлять приоритеты.

* * *

Следующие два часа Марика непрерывно следовала вниз.

Тропка сделалась совсем пологой и скользкой; хлюпала под ногами грязь. Мысли плавали от темы к теме и путались: то долго кружили вокруг источников света и увиденных в них непо-

нятных символов, то перескакивали на дом – оставшуюся в Нордейле квартиру, то вовсе исчезали, позволяя брести с пустой, как разошедшаяся деревянная бочка, головой. Чувство любви к миру растворилось полностью, теперь оно казалось иллюзией: было или нет – не разобрать. Наверное, все-таки было, но сейчас помнилось слабо, как выпорхнувший за окно утренний сон, оставивший после себя сладкий шлейф волшебства и немного светлой тоскливой грусти.

Пахло отсыревшими сосновыми иглами и влажной землей; с каждым вдохом легкие будто очищались от городского смога, выдыхали скопившуюся грязь, делались светлее.

Через какое-то время небо затянуло облаками; стало пасмурно.

Иногда, чаще всего внезапно, Марику накрывало ощущение, что дикий кот следует по пятам, и тогда она нервно оглядывалась, но за спиной каждый раз оказывалось пусто. Ни рыжей шерсти, ни длинных ушей... Однако взгляд в спину оставался, и это тревожило.

Время от времени приходилось сверяться с картой – до следующего рисунка, похожего на многогранный кристалл, судя по скорости смещения точки, еще идти и идти. Едва ли она доберется туда до вечера.

Усилился ветер.

Шумно загомосил оставшийся позади лес, смешиваясь с нарастающим гулом воды – где-то впереди текла речка. В какой-то момент тропинка окончательно превратилась в сплошную чавкающую жижу, и далее пришлось карабкаться по лежащим в стороне от тропинки валунам.

К тому времени, когда она добралась до воды, которая оказалась скорее быстрым горным ручьем, нежели речкой, тело совсем вымоталось. Ноги гудели, сапоги превратились в два грязевых леденца на палочках, толстовка вымокла, волосы слиплись на затылке, исцарапанные ладони кровоточили. Камни оказались влажными и холодными – руки соскальзывали с их поверхности не хуже подошв, – и, чтобы не упасть, приходилось постоянно напрягать мышцы и держаться за поверхность всеми конечностями.

Сразу за противоположным берегом ручья виднелся луг, и Марика, бросив на него короткий взгляд, принялась размышлять, как бы перебраться на ту сторону, не намочив ноги. Сапоги сохнут долго, до ночи далеко – не раскинешь же палатку, чтобы празднично подсушиться часок-другой перед закатом? Кто знает, сколько еще идти, а время на Уровне течет странно, это она уже заметила.

Пальцы в ледяной воде моментально застыли.

Содрогаясь от холода, она быстро потерла ладони, смыла с царапин грязь, ополоснула лицо и потянулась за флягой, чтобы снова заполнить ее водой. Сейчас бы чуток посидеть, отдохнуть – и можно снова двигаться в путь.

Ветерок трепал рассыпавшиеся вокруг опущенного лица локоны.

Перед переходом придется хорошенько подвязать рюкзак, затянуть на нем все шнуры и веревки, потому как если упадет в воду, пиши пропало – добра не уберечь.

Марика повернулась и посмотрела на скользкие торчащие из воды спины камней в нескольких метрах ниже по ручью. Если она хочет сохранить обувь сухой, придется прыгать по ним.

Длинная толстая палка, похожая на изогнутую трость, выручала невероятно. Она нашлась на берегу и теперь использовалась в качестве шеста: Марика упирала ее в каменистое дно, переносила вес на руки и осторожно выбирала подошвой очередную наиболее устойчивую точку. Шаг, еще шаг. Медленно – еще один.

Вокруг не осталось ничего, кроме шума воды, склизких неровных каменных спин и предельной концентрации на собственных движениях. Впереди три булыжника – последний почти полностью скрыт потоком.

Давай, еще чуть-чуть, ты почти сделала это!

Ступив на твердую землю, Марика шумно выдохнула от облегчения, согнулась, уперла руки в колени и какое-то время стояла так, пытаясь прийти в себя.

Ручей пройден. Дальше будет легче. Наверное.

Порывы ветра трепали капюшон, охладили взмокшую шею, бросали по плечам завязанные в хвост волосы. Палка – такая надежная и крепкая палка-выручалка – лежала рядом на траве; лучше взять ее с собой, пригодится. Горный ручей ворчливо бурлил за спиной – жертва в него не угодила.

Наконец, отдышавшись, Марика разогнулась, подняла с земли шест и огляделась, выбирая направление. Затем напряженно застыла, нахмурилась, чуть склонила голову набок и посмотрела в сторону: слева за кустом кто-то плакал.

Человек. Женщина.

* * *

– Я потеряла их, слышите? Потеряла!

Она была мокрой с ног до головы, русые волосы облепили узкое вытянутое лицо без грамма косметики. Толстовка ходила ходуном – молодая девчонка, не старше самой Марики, нещадно мерзла, вероятно, после падения в ручей. Рядом с ней, на траве, лежала знакомая дощечка с выдавленным кругом посередине – прибор для эвакуации; центральная часть кнопки горела красным.

– Что потеряли? – осторожно спросила Марика, не особенно желая знать ответ, однако выработанная за годы работы вежливость не позволила молча пройти мимо.

– Семечки! Они были во внешнем кармане, когда рюкзак упал в воду. Когда я упала в воду!

Во внешнем кармане? Дура.

Марика не нашлась, что ответить. Если человек – идиот, это надолго, но не говорить же ему об этом в лицо? Где хоть зерно рационализма? Ведь понятно, что самый ценный предмет – это семечки, так зачем же по-глупому рисковать? Сама она запихнула их на самое дно самого глубокого внутреннего кармана и для дополнительной сохранности надежно затянула веревкой.

– Рюкзак я выловила, сама выбралась, – по щекам рассказчицы водопадом лились слезы, – но семечки уплыли. Уплыли! Как же я теперь без них? Куда пойду, зачем?

Логично.

– Вот я и нажала на кнопку эвакуации. А что делать? Что? Куда я теперь без желаний? КУДА?!

Марике хотелось попятиться, отойти, попросту сбежать. Дама, очевидно, переживала стресс и была не в себе. Ее нижняя челюсть дрожала, как у подхватившей бешенство собаки, а заламываемые руки ходили ходуном.

– Послушайте, вы...

Вдруг зареванные серые глаза пристально уставились на Марику; в них появился неприятный, нездоровый блеск. Желание попятиться сделалось непреодолимым.

– У вас наверняка есть семечки! Ведь есть? И, скорее всего, не одно?

На этот раз Марика поддалась интуиции и сделала шаг назад; внутри всколыхнулась злость – не отдам.

– Дайте мне! Пожалуйста, дайте мне семечко, заклинаю! Я тогда смогу идти дальше!

– Нет.

Сидящая напротив зарыдала в голос и поднялась с места; ее лицо превратилось в противную маску с разинутым в мольбе слюнявым ртом.

– Только одно, слышите?!

– Отстаньте от меня! Тут каждый отвечает за себя сам!

– Но ведь их можно передавать!

– Я вам ничего не задолжала.

– Только одно!!!

Не успела Марика пригнуться, чтобы достойно встретить бой, к которому мысленно приготовилась, как женщина прытко подскочила к ее рюкзаку и принялась с силой буйвола тянуть за ляжку.

– Да-а-а-айте!!!

Вот сука!

Марика взревела, резко дернулась и обхватила свой рюкзак двумя руками, но цепкие посиневшие пальцы противницы лишь крепче сжались на ляжке.

– Да отстань же ты от меня!

Не внемлющая просьбам женщина заголосила сиреной, на секунду разжала пальцы, но лишь для того, чтобы тут же броситься вперед с кулаками.

* * *

Битва закончилась неожиданно, Марика и успела-то всего ничего: уклониться от летящей в лицо пятерни, потерять клочок волос и один раз получить кулаком в плечо – хлипеньким женским ударом, в то время как сама изловчилась пнуть нападающую по колену, заехать ребром ладони той по носу и отобрать-таки драгоценный рюкзак.

Новой атаки не состоялось: не успела незнакомка в очередной раз оскалиться и броситься вперед, как на капюшоне ее толстовки сжалась крепкая мужская рука – хрустнула пришитая к вороту ткань. Мокрая ведьма, хрипнув, повисла на собственной куртке взятым за шкуру щенком.

– Алисия Грит, вы обвиняетесь в нарушении пункта два тринадцать: нападении на другого человека, находящегося на Уровне: Магия, с целью вымогательства, за что подлежите принудительной эвакуации.

Позади дамы в мокрой толстовке стоял уже знакомый Марике мужчина, тот самый, не захотевший делиться сосисками. Сейчас вблизи он казался еще выше; хмурое сосредоточенное лицо, жесткий бескомпромиссный взгляд.

– Так как вы уже запросили об эвакуации, она произойдет немедленно, но за нарушенные условия пребывания на вас будет наложен штраф, о котором Комиссия уведомит вас дополнительно. Это ясно?

– Ясно.

Алисия побежденно смотрела в сторону, по ее щекам лились тяжелые слезы. В тот единственный момент, когда она повернула голову и встретилась глазами с Марикой, та прочитала одно: «Ненавижу. Ты могла меня спасти...»

От не высказанного вслух обвинения сводило зубы; Марика смалодушничала и отвернулась. Упрямо поджала губы и выдвинула подбородок вперед.

Она не повернулась ни тогда, когда обиженный взгляд жег ей затылок, ни тогда, когда прямо в воздухе, повинувшись жесту мужской руки, за ее спиной открылась белая округлая дверь.

И только когда странное гудение стихло, а ощущение присутствия других пропало, Марика медленно повернула голову, убедилась, что за спиной никого нет, и устало, чувствуя себя разбитой и опустошенной, опустила на траву.

* * *

– Распишись здесь.

Изольда дождалась, пока на бумаге появится нужный росчерк, положила документ в верхний ящик стола и сочувственно посмотрела на Морэна.

– Всякие бывают, да?

– И не говори.

– Да, за годы мы видали всяких, но чтобы таких... неуравновешенных...

Бабка задумчиво постучала по столу розовым ластиком, приделанным к головке зеленого карандаша, выдвинула пульт, скрывающийся под деревянной поверхностью, и спросила:

– Тебя куда?

Майкл, до того погруженный в свои мысли, качнул головой, хотел было попросить настроить портал на собственный коттедж, но передумал. Вспомнил про оставшуюся на поляне женщину. Можно, конечно, пропустить этикет и не интересоваться состоянием ее здоровья – сама пришла на Магию, пусть сама и идет, – но в затылке свербило чувство незавершенности. Один из процессов не закрыт – диалог, поступок, какой-то шаг, возможно, важный шаг, – надо вернуться и доработать.

– Туда же.

– Уверен?

– Да.

– Как скажешь.

Изольда нажала несколько кнопок и задвинула – легко и привычно катнула – пульт обратно в стол.

– Готово.

Мужчина коротко кивнул и направился к двери.

– Чаю, может, попьешь со мной?

– Некогда, спасибо.

Когда дверь открылась и закрылась, бабка покачала головой и проворчала:

– Всегда ему некогда.

На скамье булькал пузырями только что вскипевший чайник, рисовал горячим паром на стене влажную дорожку.

Всем хороша эта работа, вот только печенье, щедро поставляемое Комиссией в офис, постоянно приходится есть в одиночку.

Администраторша протяжно вздохнула, оперлась узловатыми пальцами на стол, поднялась и поплелась в подсобку за чашкой.

* * *

– Вы в порядке?

Тучи тяжелели. Еще минута-две – и пойдет дождь. Или снег.

За спиной журчал ручей, ветер раскачивал ветки кустов и приминал траву.

Она сидела молча – бледная, хмурая, – держалась за собственный рюкзак и смотрела вдаль: то ли на горизонт, то ли внутрь себя. Грустные глаза, поджатые губы. Налицо попытка стабилизировать эмоциональный фон, не слишком успешная, однако, но по крайней мере попытка.

Боец, хоть сама того и не признает.

Какое-то время Майкл ждал ответа, затем отступил: не хочет говорить – и не надо. Внешних повреждений не видно, а моральная травма – это проблема того, кто позволяет ее себе нанести.

Он отвернулся и задумался о том, куда направиться дальше – до начала занятий больше часа, – но решения принять не успел: Марика вышла из ступора, наклонила голову и посмотрела на него с грустной улыбкой. С такой улыбкой, как ему помнилось, обычно смотрели вернувшиеся с Войны: «Мы сделали все, что могли, но не получилось, понимаете? Не получилось...»

Ее последующие слова резонировали его мыслям.

– Зеркало говорило: «Не упусти». А я упустила, понимаете? Может быть, она могла ответить на мои вопросы, но...

Последнее «но» повисло в воздухе. Категоричное, фатальное, необратимое.

– На какие вопросы?

– На какие?

Темноволосая женщина тяжело вздохнула. Майклу показалось, что предыдущие двое суток морально состарили ее. Да, мудрость не дается легко. Никому не дается.

– Эти фонтаны, что обозначены на карте... я попробовала два из них, очень странные.

Морэн замер.

– О чем, собственно, речь?

– Вот об этом.

Вжикнула молния рюкзака, на свет появилась сложенная вчетверо карта.

– Видите? Вот их обозначения, – длинный ноготь постучал по спиралевидному символу. – Я не удержалась, посетила два.

Он глазам своим не верил. Уровень творил препятствия для каждого, но месторасположение источников открывал крайне редко. К чему свинье счетчик радиоактивных элементов или обезьяне – фотонный ускоритель?

– Они были обозначены с самого начала?

– Да.

Поразительно.

Майкл, живший на Магии последние несколько лет, удивился. И немного напрягся. Если неосознанно исследовать подобные места, лезть в них без наблюдения, можно серьезно пострадать: прямое подключение к информационному полю требует не только способности принять Знание, но и подготовленности. Его ученики еще несколько месяцев близко не подойдут к любому из подобных «фонтанов».

А эта уже посетила два...

– Я бы не советовал вам к ним пока подходить.

– Почему? Раз они есть на карте, значит, для чего-то нужны. Здесь ведь все для чего-то нужно, это я уже поняла.

Он впервые посмотрел на нее иначе: не как на избалованную дамочку с горой глупых запросов, а как на человека, в голове которого может скрываться пытливый и любопытный ум. Магия не ошибается, раздавая карты.

Порыв ветра бросил на ее лицо тонкую прядь волос, кофейного цвета глаза прикрылись веками. Нос сморщился. Марика убрала прядь, опустила взгляд на карту и снова погрузилась.

Постарела¹, как уже не в первый раз показалось Майклу.

– Я была готова поделиться и не поделилась.

Просквозившая в ее словах горечь задела невидимую струну. Проводник смотрел на девушку не отрываясь.

– Я не прошла тест.

Она вновь усмехнулась так, что у него на сердце потяжелело.

– Ладно, мне пора. Вы ведь здесь работаете, так? Эвакуируете людей? Не буду вас отвлекать.

– Куда вы направляетесь?

– Дальше по тропе. К каким-то кристаллам, судя по всему.

Сложенная карта отправилась в карман рюкзака.

Морэн прищурил глаза.

¹ Старость в данном случае интерпретируется как эмоциональная зрелость кого-либо. – *Примеч. автора.*

– Не приходите туда сегодня. Вставайте на ночлег раньше, мой вам совет, иначе будет тяжело.

– А здесь кому-нибудь бывает легко? Вообще кому-нибудь?

Не дожидаясь ответа, Марика поднялась с земли и отряхнула штаны; в ее глазах плескалась горечь, смешанная с укоризной и частичкой раскаяния. Мол, дура я, упустила такой шанс, но вам не понять.

Да уж, куда уж ему – серому и ушастому...

Он тысячи раз видел, как Уровень создавал шансы и отбирал их. Как возрождал сломавшихся людей и ломал непобедимых. Или считавших себя таковыми. Как втолковывал мудрость тем, кто думал, что не готов ее принять, и как гнал со своей поверхности идиотов, неспособных пересмотреть заскорузлое отношение к жизни.

Привычным жестом накинулись на плечи лямки рюкзака, тонкие пальцы подняли лежащую на земле палку. Тяжело качнулся хвост из черных вьющихся волос.

– Удачи вам.

Грязные сапоги тяжело захлюпали по сырой траве. Заморосил холодный дождь.

Несколько секунд Майкл смотрел вслед удаляющейся фигуре, затем выкрикнул:

– Вы знаете, что за вами следует сервал?

Женщина остановилась, помолчала, будто раздумывая над чем-то, затем легко пожала плечами и зашагала прочь, не ответив.

* * *

Накрапывал мелкий дождик.

Уютно потрескивали, прогорая, деревянные сучья, кончик палки ворошил их, заставляя снопы искр взвиваться в темное пасмурное небо; Майкл наблюдал за ними, подперев подбородок одной рукой; другой он держал ветку, которой от нечего делать крошил угли.

Ученики опаздывали.

Костер пытел, трещал и изредка посвистывал. Звезды скрылись за толстой пеленой из плотных облаков – жаль, сегодня не увидеть их манящий таинственный свет. Ничего, в другой раз.

«Ты придешь, Майки? Я пригласила тридцать человек, празднование получится на ура!»

Анна хотела вечеринку, хотела веселья, хотела, наверное, загула.

Зачем?

Неужели разговоры ни о чем в разношерстной компании действительно приносят кому-то удовлетворение? Алкоголь, много алкоголя, чересчур громкий смех, стекленеющие глаза гостей, пошлые шутки, соревнование нарядов... Для чего? Но это ее день рождения, и ей решать. От него требуется лишь участие и подарок.

– Может, хочешь провести его на Магии? – спросил он, заранее зная ответ, чем все-таки воплотил в жизнь затянувшуюся паузу и молчание. То самое молчание, когда тебя пытаются не обидеть, обидевшись.

– Но... ты ведь так часто на этой Магии. Почему бы не побыть в нормальном городе, со мной? Это так редко происходит. Мы могли бы жить нормальной жизнью.

– Ты могла бы приходить сюда чаще. Вдыхать, ощущать, учиться.

– Чему учиться, Майки? Станным телодвижениям и сдвигам сознания? Я и так провожу там раз в две недели.

Он воочию представил, как она кусает губы, накрашенные розовой помадой, и тербит светлый локон на виске, пытаясь не продолжить фразу.

«Там нет ни удобств, ни нормальных помещений. Что привлекает тебя в этой глуши? Что, Майки?»

Однажды она уже задала этот вопрос вслух и больше не решалась, помня, как потемнели от негодования и грусти его глаза.

Глушь? Какое неверное слово... Как стрела, пролетевшая мимо мишени, не попавшая в яблочко, но поцарапавшая разум.

Глушь.

Морэн усмехнулся самому себе, оглядел темнеющий вокруг лес, глубоко и медленно втянул чистый прозрачный ночной воздух, смешанный с дымом. Как же в тебе красиво, глушь...

Он принесет ей то, что она хочет – Анна достаточно ясно намекнула, какой именно предпочитает подарок; хорошо, пусть будет то кольцо, лишь бы радовало, денег не жалко.

Деньги...

Их он скопил достаточно. Достаточно и на эту жизнь, и на следующую. Дрейк – начальник отряда специального назначения – платил хорошо. Даже тем, кто однажды, увлеченный возможностями его сверхрасы, заинтересовался получением Знания и попросил перевода с должности рукопашника-аналитика, проще говоря, солдата с развитым мозгом, на должность обычного проводника. Сюда, на Уровень: Магию, куда случайно попал несколько лет назад, посланный проходить развивающую практику.

Дрейк Дамиен-Ферно не был бы Творцом, если бы не понимал: душа всегда рвется туда, где ей место. И лишь позволив человеку соединиться со своим Путем, позволишь ему стать собой, стать тем, кем он должен стать. И нет ничего важнее этого, не может быть.

Когда-то давно Начальник проявил мудрость, и Майкл до сих пор испытывал благодарность. Здесь, между сосен, со странным магическим небом над головой, в тишине ночи и блеске снега под луной, он ощущал присутствие Вселенной и становился кем-то иным. Собой. Проходил длинную дорогу, и путь этот приносил столько удовлетворения, сколько не принес бы ни один другой. Да, странный выбор, непонятный, чужой многим. Но единственно правильный и приемлемый для него.

Жаль, Анна не понимает.

Как не понимают и те, кто приходит сюда не за Знанием, а за желаниями. Что ж, одним – одно, другим – другое.

Когда среди деревьев раздались голоса и скрип подошв, размышления прервались. Майкл подровнял дрова и посмотрел на приближающиеся фигуры.

Том, одетый в легкую спортивную куртку, размахисто жестикулировал.

– Учитель, что-то странное творится с этим местом. Мы никак не могли выйти к вам – дорога та же, а заводит в тупики или ведет по кругу. Как такое может быть?

«Может», – мог бы ответить Майкл.

Может, потому что это место не имеет пространств и расстояний, оно выстраивает их. Выстраивает таким образом, чтобы тот, кому требуется подумать, имел время прийти к правильным выводам. Чтобы тот, кому нужен диалог, набрел на собеседника, а тот, кто жаждет тишины, пребывал в покое. А иногда учит по-другому: намеренно не позволяет получить желаемое. Часами водит по узким тропкам тех, кто предпочитает прямые дороги, мучает проливным дождем тех, кто мечтает о солнце. Лбами сталкивает врагов, разводит друзей, раз за разом наводит на одни и те же мысли, обращает лицом к собственным страхам – дает шанс навсегда избавиться от них.

«Может. Здесь все может быть», – мог бы ответить Майкл Морэн.

Но не ответил.

Потому что знание, приобретенное самостоятельно, имеет совершенно иную ценность.

Вместо этого он поднялся с бревна, отложил ветку, которой ворошил костер, и спросил:

– Начнем занятие?

* * *

До кристаллов она не дошла. Устала.

Ночь, тишина, мелкая морось, которую Марика в какой-то момент перестала замечать. Мокрая спина бревна, темный домик палатки за спиной, а впереди – окутанная мраком равнина, вид на которую открывался с уступа.

На этот раз котелок порадовал рагу, но Марика не радовалась, цепляла ложкой впотьмах куски чего-то сытного – то мяса, то овощей – и смотрела вдаль.

Нахлынула меланхолия.

Два дня и одна ночь. Тридцать шесть часов. И ощущение, что прошла целая жизнь.

Машина, стоящая на парковке в Нордейле, телефон, пакет с одеждой – все это осталось в другом измерении. Где-то там живут другие люди, ходят на работу, получают премии и расстаиваются, не получая их. Кому вообще нужны телепередачи? Зачем писать для них сценарии? Чтобы погрузить человеческий разум в еще одну ипостась измененного сознания, навязать условия, правила восприятия, молча воспитать социум в нужном направлении?

Какой бред. Все бред.

А что же тогда не бред?

Собственные мысли пугали. Прошло всего тридцать шесть часов – куда подевался боевой настрой, и с чего вдруг сдвинулись приоритеты?

Марика, как могла, настраивала себя на прежний лад: это лишь воздействие Уровня; когда она достигнет пилона (или чего бы там ни было), то запросит все, что хотела, и вернется. Вернется к нормальной жизни, к Ричарду, к прежней себе...

И это тоже пугало. Пугало еще сильнее.

Постоянно натываясь на мысленные ловушки и барьеры, она на какое-то время запрещала себе думать, ела, находясь в вакууме, а затем снова нехотя возвращалась к размышлениям.

Звонил ли Ричард? Потерял ли ее? Телефон, наверное, скоро разрядится, батареи хватит еще на несколько суток, а затем все, абонент вне зоны доступа. Хотя он и так... уже...

Дождик заморосил сильнее, застучал по накинутому капюшону и тугим бокам палатки. Рагу быстро остывало, превращалось в студенистую комковатую смесь. Марика поднялась с бревна, вывалила рагу на землю, сорвала травы, вычистила ею бока котелка и, приложив палец, запросила кофе. Почти не удивилась, получив его. Без запаха прежней еды, хороший ароматный кофе – то, что нужно.

Присев обратно на бревно, Марика сделала глоток и задумалась о том, почему же она так быстро и постыдно провалила тест. Почему, как только дошло до дела, забыла о собственных обещаниях? Ведь хотела измениться, стать лучше, научиться не только брать, но и давать...

Стоило в голове всплыть лицу Алисии, как тяжелой волной качнулась злость.

Она бы поделилась, если бы сама, по доброй воле, следуя за душевным порывом. А когда семечко пытаются вытряхнуть из тебя, как последний пятак из кота-копилки, тут хочешь не хочешь – распушишь когтистую пятерню.

Дура она... эта Алисия. Попросила бы, как полагается, и без проблем. Наверное... Зачем же было бросаться?

Марика казнила себя и пыталась оправдаться до тех пор, пока не допила кофе. Потом поняла: бессмысленно. Будет новая задача – будет новая попытка выполнить ее правильно, а пока – бессмысленно.

Кофе закончился. Мысленная благодарность ушла котелку, а заодно и Уровню. Все-таки с едой жить куда проще, а уж со вкусной едой...

Палатка приятно согревала теплом.

Матрас покачивался; снаружи мелко, почти неслышно колотил дождь.

Марика расчесала пятерней волосы – помыть бы, – улеглась поудобнее и достала зеркало. Достала, сама не зная зачем: простое привычное действие, вносящее в окружающий мир какую-то стабильность. Погладила поверхность.

– Как ты, Зеркало?

Поверхность привычно клубилась, не утруждая себя ответом.

– А я хорошо, спасибо, – из груди вырвался тяжелый вздох. – Почти хорошо. Прошагала второй день, поела, легла спать. День прошел почти без приключений. Почти. Ну, ты знаешь...

Наверное, зеркало знало, потому что просто слушало и молчало.

Марика снова вздохнула, с грустью посмотрела на темный полог и прошептала:

– Не так просто, оказывается, получить то, что ты хочешь.

Усмехнулась, вспомнив столкновение у ручья. Замолчала.

«Еще сложнее понять, чего именно ты хочешь».

Еще один ответ в духе мудрого старца...

– Да уж. Бывает, все кажется таким ясным и кристально понятным, а делаешь шаг вперед – и горизонты смещаются.

«Ясность иллюзорна. Она хороша для заблуждений. Не глаза и ум рисуют правильную картину, а сердце. Не слова способны подсказать, а внутреннее спокойствие».

– Как же добиться спокойствия, когда желания влияют на чувства? Будоражат их, колыхают муть с илистого дна.

«Перестань быть в них заинтересованной».

Совет пугал.

– Как же не быть заинтересованным в том, чего желаешь? А для чего тогда жить? Если мысленно отказаться от мечты, сложить лапки, тогда зачем вообще куда-то шагать?

«Ты поймешь», – обнадежило зеркало.

– Да уж, когда-нибудь я все пойму. Лишь бы не было поздно.

«Ни для чего не бывает поздно».

Марика поджала губы; вновь накатило ощущение сюрреалистичности: она говорит сама с собой в палатке. Ночью, лежа в непонятном месте. Ей кто-то отвечает, дает мудреные советы, которые каждый раз подсыпают в шестеренки песка. Во что превратилась жизнь?

Следующий вопрос позволил сменить сложную тему:

– Зеркало, а у тебя есть имя?

«Зеркало».

– Нет, это все равно что меня называть просто женщиной. Уникальное имя, свое собственное?

«Нет».

Какое-то время Марика раздумывала над последним ответом, затем отложила помощника в сторону: начали слипаться глаза. Наваливалась сонливая усталость. Подложив под щеку ладонь, Марика прошептала:

– Тогда надо придумать...

«Придумай», – сложились в темноте никем не прочитанные буквы.

Той ночью ей снились скользкие острые камни, торчащие из холодной воды быстрого ручья, слышался равнодушный мужской голос: «Вы подлежите эвакуации, просьба пройти на выход...» и казалось, что снаружи кто-то чавкал.

Через час, когда закончился дождь, над палаткой повисли далекие мерцающие звезды.

Глава 6

Взбираться стало тяжело.

Если раньше можно было свернуть влево или вправо, то теперь через лес шла одна-единственная тропка. Вверх, вверх, вверх, бесконечно вверх. Она словно вела в нужное место, не позволяя отклониться от курса, куда-то на гору, туда, где на карте схематичным рисунком изображались некие самоцветы.

Дикий кот, похоже, прочно приклеился к ней.

Этим утром, выбравшись из палатки, Марика увидела его лежащим возле бревна. Значит, вот кто чавкал остатками рагу ночью, не показалось. Когда зашуршал застегиваемый полог, сервал (кажется, так его назвал проводник), настороженно глядя желтыми глазами, поднялся с земли и отбежал подальше к деревьям. Сел у корней, наблюдая. Ждал еды.

Марика покряхтела, поворчала, поела сама и оставила кусок мяса коту. Вроде не совсем дикий, не кидается. Страшненький, конечно, длинноухий, но что ж теперь... Не морить же голодом?

Собралась быстро, сложила палатку и котелок, расчесала волосы пятерней, досадуя, что тотемы заодно не включили в походный набор расческу и умывальные принадлежности. Еще бы не помешали сланцы, полотенце, штаны полегче и ветровка.

Ага, и тележка с таблетками от жадности, которую бы она катила перед собой через весь Уровень.

Бросая короткие взгляды на пушистого гостя, Марика затянула рюкзак и, сверившись с картой, покинула стоянку.

Кот, как она и ожидала, соблюдая дистанцию, двинулся следом.

Утро пахло свежестью и отсыревшей хвоей. Чистый, прозрачный, живительный аромат, бодрящий лучше всякого кофе. Солнце пробивалось сквозь ветки игривыми лучами, ласкало, дразнило и превращало лес в сказочный. Не тот темный и дремучий, каким он становился сразу после заката, а легкий, воздушный, уютный желто-зеленый, домашний.

Снег почти стаял. Кое-где виднелись присыпанные сосновыми иглами лужи, унты тяжелили ноги, хотелось сменить их на кроссовки.

Вот ведь вредные тотемы: знали же, что станет теплее... Бабка тоже хороша, могла бы предупредить.

Опираясь на ставшую привычной палку, Марика мурчала под нос всплывшую в памяти мелодию.

Перелетая с ветки на ветку, щебетали птицы, радостным чириканьем приветствуя соседок и утро. Шуршали о своем листья на тонкоствольных, проросших между высокими соснами деревьях. Казалось, ноздри щекочет грибной запах. Нет, не может быть здесь грибов. Не сезон вроде бы, хотя кто поймет эту Магию...

Главное – двигаться вперед, а там уже скоро будут и деньги, и счастье, и все остальное. У любой дороги есть конец, и идущий обязательно достигнет его. Останутся в прошлом кристаллы и другие препятствия, найдется пилон, примет семечки и исполнит все заветные желания. А там домой, прочь из бабкиной каморки – на дневной свет Нордейла, к оставшейся на стоянке машине. Вот будет замечательно принять пенную ванну, выйти на балкон с бокалом белого каннского, а после зарыться в мягкую постель, зная, что ты богат и все уже позади.

По крайней мере, Марике казалось, что выйти с Уровня она должна через тот же вход, что и вошла, то есть через бабкин дом. А дверь? Туда наверняка ведут все двери, которые открываются отсюда. Главное – не потерять зернышки и не запросить преждевременную эвакуацию...

Хмурясь мысленно туче, наползшей на радужное настроение, Марика дошла до небольшого ручейка, пересекающего тропку, и присела на корточки, чтобы умыться.

Ну уж нет. Заветные семечки она не потеряет, не отдаст и не продаст. Покажет коварной судьбе, таящей за каждым углом опасности, фигу и получит-таки свое.

Вода оказалась ледяной – пальцы тут же замерзли.

Но лицо радовалось влаге, ручей уносил с собой пыль и грязь.

Ух, свежо, хорошо!

Закончив плескаться, Марика взглянула на грязный рукав и покачала головой – нет, таким она вытираться не будет, – убрала выбившиеся локоны за уши, выпрямилась и огляделась.

Хм, сервала не видно, присутствовал лишь взгляд в спину, к которому она успела привыкнуть, по бокам – стены сосен, а впереди, насколько хватало глаз, тянулась, уползая вверх, заветная тропа.

Что ж, ей туда.

Лес кончился неожиданно. Был-был – и вдруг остался позади, отступил от плато, на которое она шагнула, добравшись до вершины холма.

Открывшийся вид завораживал.

Бескрайняя поляна, покрытая пушистым травяным ковром, а чуть поодаль, снова явившиеся из далекого сна, выросли из земли разлапистые, сверкающие на солнце, голубоватые, выше человеческого роста кристаллы. Не карликовые, рассыпанные по земле самоцветы, как она думала поначалу, а гигантские граненые камни, похожие на уменьшенную копию тех, что иногда стояли на столах геологов в качестве сувениров.

Всего пять на расстоянии нескольких метров друг от друга.

Вот, значит, что изображала карта.

Марика сбросила рюкзак, стянула душную толстовку и присела отдышаться.

Прошла минута. Вторая. Вокруг – лишь шорох стеблей и едва слышные завывания ветра.

Здесь, на вершине, мир вдруг показался сюрреалистичным: звенящая синева неба над головой, колышущаяся волнами трава и тишина – тишина бесконечного простора.

Плато. Полдень. Стоящие вдалеке граненые монументы.

Зачем они там? Может, обойти? Но Уровень никуда не приводил просто так; значит, и сюда она добралась с какой-то определенной целью. Вот только с какой?

Помнится, проводник предупреждал не посещать это место ночью. Что ж, она выполнила наказ – пришла днем.

Край глаза уловил движение; Марика повернулась: на тропе, по которой она недавно пришла сюда, стоял дикий кот.

Его уши нервно подергивались, а короткая рыжая шерсть топорщилась на ветру.

* * *

Подойти решила не сразу: не знала, чего ожидать. Приближалась медленно, как сапер, шаг за шагом, ежесекундно ожидая не то подвоха, не то неожиданности в виде громового оркульского голоса, вопрошающего: зачем пришла?

Зачем? Она и сама бы не сумела ответить. Дорога привела, вот и пришла – пройти бы мимо, вот и вся задача.

Когда поверхность ближайшего камня оказалась на расстоянии вытянутой руки, Марика замерла и зачем-то задержала дыхание; озорник-ветер трепал выбившийся из-за уха локон.

Здесь, вблизи, кристаллы казались еще больше, еще массивнее, еще монументальнее. Кто поставил их здесь, когда? Ровные стенки отполированы до блеска – ни вкраплений, ни изъянов, лишь замершие в глубине крохотные пузырьки – слипшаяся во времени газировка.

Вновь неровно заколотилось сердце, включив предупреждающий о возможной опасности режим.

«Иди по тропе, – мелькнула мысль, – просто пройди мимо. Трогать не обязательно».

Но потрогать хотелось. Почему-то, безо всякой причины. Просто положить ладонь на стенку и ощутить не то тепло, не то прохладу.

Высоко и ровно, почти в зените, стояло солнце.

Собственная тень юркнула под ноги, но воздух сохранил часть утреннего дыхания, не прогрелся. Колыхалась, поддаваясь невидимым касаниям, трава – пригибалась и распрямлялась, замирала на несколько секунд и вновь приходила в движение, играла с ветром.

Марика решилась.

Сделала шаг вперед, подняла руку и осторожно прижала ладонь к кристаллу – тот оказался прохладным.

Что-то изменилось. Казалось, от прикосновения камень ожил, вдохнул в себя чужое присутствие и открыл невидимые глаза, рассматривая гостя. Рассматривая долго, тяжело, вглядываясь в самое сердце, в слои, недоступные для многих.

«Кто ты, чужак? А-а-а, странница... давно никого не было, давно. Что ж, постой и послушай меня...»

Нет, голос наяву не звучал, вокруг царила тишина. Монолог ощущался скорее в незримой вибрации, исходящей от голубого исполина.

Она струсила.

В какой-то момент хотела было отступить, но усилием воли удержалась на месте. Выстояла борьбу с собственным страхом, лишь плотнее прижала руку к грани и замерла, всматриваясь в мутноватую глубину.

А спустя минуту, когда уже отчаялась понять, зачем, собственно, стоит здесь, вдруг увидела, как пузырьки пришли в движение. Закружились, завращались и неожиданно сложились в четкую и ясную картинку.

В которой Марика увидела себя.

Деньги ковром устилали пол гостиной, диван, кофейный столик и стопками лежали на кресле. Купюры, множество купюр, золотой океан. Они оккупировали не только пространство квартиры, но и пространство жизни, пропитали атмосферу энергией роскоши, вседозволенности и дикой необузданной свободы.

Лежа на полу прямо поверх денег, Марика – та Марика из кристалла – смеялась. Нагребала в ладони охапки долларов, подбрасывала их в воздух и хохотала, когда они падали ей на лицо, волосы, колени, грудь. Она нежилась поверх них, как морская звезда нежится при прикосновении океанских волн, как сказочный эльф наслаждается падающей с неба сверкающей волшебной росой.

Ее! Это все ее!

Женщина – ее собственное отражение там, в квартире – ликовала. Кружилась в танце, восторженно завывала, не зная, за что хвататься. Собрать их в аккуратные стопочки или еще раз поваляться на куче? Ласково погладить или напихать в карманы? А может, сфотографировать, повесить в рамочку и балдеть, представляя, как вытягивались бы при виде этого кадра лица бывших коллег, которым она никогда не покажет заветное фото? И просто балдеть, думая об этом.

Просто знать, что ты баснословно богат и что с этого момента жизнь кардинально раз и навсегда изменилась.

Кристалл под пальцами едва заметно вибрировал.

Неужели она только что увидела собственное будущее? Неужели? Значит, все получится, значит, она дойдет до конца и пилон исполнит мечту о счастье?

Ур-а-а-а!

На короткий момент Марика отняла ладонь от грани и застыла, широко улыбаясь. Зависла, пропитавшись настроением из картинки, до краев наполнилась восторгом и азартом, сделалась почти пьяной от нахлынувшего ощущения триумфа. Она пройдет, пройдет через что угодно, лишь бы показанная иллюзия воплотилась в жизнь. Хотелось танцевать прямо здесь, на равнине, под завывание ветра, под шорох травы, под взгляд желтых глаз прилегшего невдалеке дикого кота.

Хотелось обнять и расцеловать кристалл, а после прилечь на траву, раскинуть руки и радоваться жизни, радоваться так сильно и глубоко, как только может радоваться самый счастливый в мире человек.

Деньги. Они будут ее.

Будут! Будут! Будут!

Секунду спустя Марика вновь прильнула к кристаллу, почти вжалась в него носом. В глубине тут же вспыхнула новая картинка.

Вот она сидит в роскошном кресле перед низким столиком, заваленным туристическими брошюрами, а напротив женщина в форме «Норд-Авиа» протягивает ей чашку кофе.

– Все только первым классом. Перелеты, отели, арендованные автомобили. Если хотите, подберем и шофера...

Марика-двойник лениво обмахивается глянцевой листовкой с изображением райского острова и смотрит на работницу турбюро из-под длинных накрашенных ресниц.

(Новое платье, новая прическа – отличная, к слову говоря, прическа! Видимо, я стала посещать люксовые салоны...)

– Шофер – это хорошо. Пусть будут автомобили премиум-класса. И да, включите в мой тур самые дорогие номера.

– Конечно, мисс Леви, все только самое лучшее.

(Они пресмыкаются, трепещут, преклоняются. Все преклоняются перед тем, у кого есть деньги...)

Изображение турагенства рассыпалось тысячами крохотных пузырьков, чтобы тут же сформировать новую картинку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.